

И. С. ДМИТРИЕВ
Н. И. КУЗНЕЦОВА

АКАДЕМИЯ БЛАГИХ НАДЕЖД

Новое
Литературное
Обозрение

И С Т О Р И Я Н А У К И

История создания Санкт-Петербургской Императорской Академии наук до сих пор порождает у специалистов самые противоречивые оценки — от восхищенных до резко отрицательных. Во многом авантюрный проект Петра I по открытию высшего ученого учреждения в массово неграмотной стране одни трактуют как гениальное нововведение, положившее начало становлению российской науки, другие — как губительный отказ от культурной самобытности.

История науки

Игорь Дмитриев

Академия благих надежд

«НЛО»

2019

УДК 061.12(470.23-25)(091)
ББК 72.471.1(2-2СПб)г

Дмитриев И. С.

Академия благих надежд / И. С. Дмитриев — «НЛО»,
2019 — (История науки)

История создания Санкт-Петербургской Императорской Академии наук до сих пор порождает у специалистов самые противоречивые оценки — от восхищенных до резко отрицательных. Во многом авантюрный проект Петра I по открытию высшего ученого учреждения в массово неграмотной стране одни трактуют как гениальное нововведение, положившее начало становлению российской науки, другие — как губительный отказ от культурной самобытности. Авторы книги — известные историки науки — рассказывают о создании Петербургской Академии наук и первых семи десятилетиях ее существования. Основной акцент сделан на анализе сложных отношений между учеными и бюрократией — как внутриакадемической, так и государственной. Особое внимание уделено оценке деятельности М. В. Ломоносова. Игорь Дмитриев — доктор химических наук, профессор кафедры философии науки и техники философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, директор Музея-архива Д. И. Менделеева СПбГУ. Наталия Кузнецова — доктор философских наук, специалист в области философии и методологии науки, социальной истории науки, философской этики, профессор кафедры современных проблем философии РГГУ.

УДК 061.12(470.23-25)(091)
ББК 72.471.1(2-2СПб)г

© Дмитриев И. С., 2019

© НЛО, 2019

Содержание

Ніс Tuta Perennat?	7
Предисловие	8
Стрельчатое окно в курной избе[6]	9
Крестный отец академии	14
«Великий Петр к нам ввел науки»[99]	29
Конец ознакомительного фрагмента.	41

И. С. Дмитриев, Н. И. Кузнецова

Академия благих надежд

© И. Дмитриев, Н. Кузнецова, 2019,
© ООО «Новое литературное обозрение», 2019

* * *

Nic Tuta Perennat? **Петербургская академия наук в XVIII веке**

И. С. Дмитриев

*...Расчертила линии
Крепкая рука.
О, сюда бы Плиния –
Да не те века.
Все изрыть каналами,
Поселить бы знать.
Катька застонала бы –
Да не та казна.
Лодочек флотилия,
Музыка, игра.
Ели бы и пили бы –
Да не та пора.
Садик. Речь немецкая.
Шнапс. Сковорода.
Не сбылась Венеция –
Вышла слобода.*

В. Васильев

В России надо было начинать все вдруг и высшее предпочитать низшему: ...академию – уездным училищам, корабли – баркам.

В. Г. Белинский¹

Большая степень гражданской свободы имеет, кажется, преимущество перед свободой духа народа, однако ставит этой последней непреодолимые преграды. Наоборот, меньшая степень гражданских свобод дает народному духу возможность развернуть все свои способности.

И. Кант²

¹ Белинский В. Г. Рецензия на «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» И. Голикова // Петр Великий: Pro et Contra. Антология. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 2003. С. 177–212. См. с. 201.

² Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // Кант И. Сочинения. Т. 6. М., 1966. С. 25–37. См. с. 34–35.

Предисловие

Данная работа представляет собой краткий очерк истории создания и функционирования Петербургской академии наук в XVIII столетии. Это был период, когда время для естественного, вытекающего из предшествующего культурного развития страны формирования научных и образовательных заведений *еще не* настало, но *уже* возникли условия, позволившие трансплантированным по указу императора научным и образовательным институтам («Минервенным храмам») уцелеть и даже засвидетельствовать известное процветание. Кроме того, как было отмечено А. Б. Каменским, «мы сегодня переживаем конец той эпохи, начало которой восходит как раз к „осмнадцатому веку“»³.

Поскольку истории Петербургской академии наук посвящено немало замечательных исследований, я рассмотрю эту историю в двух ракурсах: 1) отношение между научным сообществом и российской бюрократией и 2) эффективность научной деятельности Академии в указанный период. Выбор именно ранней истории Академии обусловлен тем, что начальный импульс является «наиболее долгоживущим, а время показало, что избранные Академией приоритеты оставались таковыми, почти без всяких изменений, без малого два столетия»⁴. Кроме того, происходящее в отечественной науке и образовании в XXI веке в некоторых отношениях аналогично (разумеется, не по своим конкретным проявлениям, но по некоторому структурному сущностному сходству) тому, что происходило с Академией в первые 70 лет ее истории, ибо принципы, положенные Петром I в основу организации Академии наук, определили те «особости» ее судьбы, которые в итоге стали ее историческими традициями. Об одной из них в 1911 году в речи, произнесенной в день открытия официальных торжеств, посвященных 200-летию со дня рождения М. В. Ломоносова, упомянул В. И. Вернадский, и слова его, увы, не потеряли своей актуальности: «Теперь, как и 150 лет назад, русским ученым приходится совершать свою национальную работу в самой неблагоприятной обстановке: в борьбе за возможность научной работы»⁵.

Книга состоит из двух частей, написанных разными авторами: первая (И. С. Дмитриев) касается более событийной стороны, вторая (Н. И. Кузнецова) посвящена анализу ранней истории Петербургской академии наук в более общем ключе (с позиций философии и социологии науки и культурологии). Авторы не во всем сходятся в оценке феномена Академии, и это различие входит в замысел монографии.

Хотелось бы также выразить глубокую признательность Татьяне Михайловне Моисеевой, замечательному специалисту по истории российской науки и культуры XVIII века, много лет проработавшей в Музее М. В. Ломоносова, в том числе в качестве директора, а также ученым секретарем Ломоносовской комиссии Санкт-Петербургского научного центра Российской академии наук.

³ Каменский А. Б. Человек нового времени. Ломоносов на фоне эпохи // Родина. 2011. № 9. С. 16–19. См. с. 18.

⁴ Романовский С. И. Наука под гнетом российской истории. СПб., 1999. С. 38.

⁵ Вернадский В. И. Общественное значение Ломоносовского дня // Вестник Российской Академии наук. 1998. Т. 68. № 5. С. 444–447. См. с. 447.

Стрельчатое окно в курной избе⁶

Все счастливые академии похожи друг на друга, каждая несчастливая несчастлива по своему. Все смешалось в российской культуре и быте, когда царь Петр Алексеевич начал реформировать русскую жизнь и государство, делая это решительно и бесповоротно, как правило вопреки традициям, а иногда и здравому смыслу. «Надлежало, – по словам Н. М. Карамзина, – ...свернуть голову закоренелому Рускому упрямству, чтобы сделать нас гибкими, способными учиться и перенимать»⁷. При Петре I была начата систематическая работа по подготовке отечественных кадров всевозможных специалистов, «начиная с „филозофских и дохтурских наук“ и до печного мастерства»⁸. 13 (24) января 1724 года была основана Петербургская академия наук, потом Академический университет, а при нем гимназия. Несколько ранее, в 1718 году, были созданы Кунсткамера, т. е. первый российский публичный научный музей, и Библиотека⁹.

⁶ Выражение К. Кобрин. Характеристика Петербурга как «окна в Европу» появляется в дневнике итальянского литератора графа Франческо Альгаротти (F. Algarotti; 1712–1764), который прибыл в составе британской делегации на свадьбу принцессы Анны Леопольдовны в июне 1739 года. Альгаротти жалуется на неудобства, с которыми приходится сталкиваться путешественникам в российской столице, отмечая, что Россия «лишь с недавнего времени сообщается с нами и как бы смотрит на нас через это петербургское окно (*finestra di Petersburg*)» (Альгаротти Фр. «Окно в Европу»: Дневник путешествия из Лондона в Петербург в 1739 году. М., 2016. С. 85). Альгаротти, по словам М. С. Неклюдовой, подчеркивает «именно ограниченность доступа, причем и с внутренней, и с внешней стороны, поскольку иностранцы как бы заглядывают в Россию, но отсутствие соответствующей инфраструктуры, которая служила бы „дверью“, не позволяет им зайти» (Неклюдова М. С. Словесная авантюра Франческо Альгаротти, или откуда взялось «окно в Европу» // Русская авантюра. Материалы международной научной конференции (Москва, РАНХиГС, 21–23 сентября 2017 года). М., 2017. С. 30–32. См. с. 31). Позднее дневник Альгаротти лег в основу его книги *Saggio di lettere sopra la Russia* (In Parigi: Presso Gio. Briasson impressore, e librajo, 1760). Русские переводы: Альгаротти Фр. Русские путешествия // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. М.; СПб., 1997. Вып. III. С. 235–264; Альгаротти Ф. Путешествие в Россию. СПб., 2014), где он называет Петербург *grand finestrone* (огромным окном) в Европу. См. также: Неклюдова М. С., Основат А. Л. Окно в Европу: Источниковедческий этюд к «Медному Всаднику» // Лотмановский сборник. Вып. 2. М., 1997. С. 255–272).

⁷ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 254.

⁸ Ключевский В. О. Курс русской истории: полное издание в одном томе. М., 2009. С. 819.

⁹ Можно по-разному датировать основание Кунсткамеры и Библиотеки: либо 1714 годом, когда книги, натуралии и артифициалии царя были перевезены из Москвы в Петербург, размещены в одной из пристроек Летнего дворца, для организации «Императорской Библиотеки с Кунст и Натурал каморой», и начали демонстрироваться гостям Петра I, либо 1718 (или 1719) годом, когда после прибытия в столицу коллекции Рюйша проблема помещений для хранения книг и раритетов резко обострилась и царь повелел сенатору Петру Толстому подготовить конфискованный дом казенного в 1718 году боярина Александра Кикина («Кикины палаты») к приему и размещению коллекций (сначала Рюйша, а затем и тех, которые хранились в Летнем дворце). 30 июля 1718 года князю А. М. Черкасскому, надзиравшему в Петербурге за архитектурными и хозяйственными работами, указом Петра I было предписано: «Вещи, которые привезены из Голландии, надлежащие в Куншт Камору, обретающиеся ныне у господина архиатера доктора Арескина, положить для сохранения в описанном доме Александра Кикина, у реки Невы, с московской стороны, против Канец» (Летопись Кунсткамеры... С. 3–4). Если же рассматривать Кунсткамеру как первый публичный универсальный музей России, то выбор 1718 года (или, точнее, речь должна идти о конце 1718 – начале 1719 года, детализировать дату не представляется возможным) является более логичным. И, кроме того, в 1718 году было заложено новое здание Кунсткамеры на стрелке Васильевского острова, где по окончании строительства разместились не только музейные коллекции и Библиотека, но и Анатомический театр, Обсерватория и Физический кабинет (первые документальные свидетельства о подготовке и начале строительства здания Кунсткамеры датируются апрелем – маем 1718 года, постройка, скорее всего, была начата в июне 1718 года). См.: Станюкович Т. В. Кунсткамера Петербургской академии наук. М.; Л., 1953. С. 22; *Дриссен-ван хет Реве Й.* Голландские корни Кунсткамеры Петра Великого: история в письмах (1711–1752). СПб., 2015. С. 158–186. Впрочем, собрание Кунсткамеры с явным акцентом на «монстрах», при всей его окологультурной значимости, для XVIII столетия все же было шагом назад, причем даже не столько к *Kunst- und Wunderkammern* XVI века, сколько к средневековым сокровищницам (*Schatzkammern*). Это отчасти признается и в монографии Т. В. Станюкович, которая, подчеркивая просветительское и научное значение петровской Кунсткамеры, вместе с тем отмечает, что «в коллекциях наряду с ценнейшими экспонатами можно было встретить мало значительные или вообще не имеющие прямого отношения к науке предметы. Что касается принципов экспозиции, то и они обладали рядом существенных недостатков, основными из которых являлись отсутствие четкого плана в расположении и изобилие групповых „занимательных“ композиций» (Станюкович Т. В. Кунсткамера... С. 47). Трансформация же Кунсткамеры «из собрания „раритетов“ в подлинно научное учреждение протекала медленно, осложняясь борьбой группировок внутри Академии» (Там же. С. 49).

Рис. 1. Портрет Петра I. Художник Поль Деларош (1838). Hamburger Kunsthalle, Hamburg

Сам Петр I в юные годы волею случая был «отторгнут из дворцовой кремлевской среды... его воспитателями стали не московские попы и дьяки, а голландские матросы и плотники»¹⁰, никакого систематического научного образования он не получил, а потому имел лишь весьма смутные, обрывочные представления о современной ему науке. «Дивно всякому было легко

¹⁰ Нефедов С. А. Петр I: блеск и нищета модернизации // Историческая психология и социология истории. 2011. Т. 4. № 1. С. 47–74. См. с. 52.

рассуждающему, где он и от кого тако умудрен был, понеже ни в какой школе, ни в какой академии не учился, – восклицал Феофан Прокопович. – Но академии были ему грады и страны, республики и монархии и дома царские, в которых гостем бывал; учителя были ему, хотя и сами про то не ведали, и к нему приходящие послы, и гости, и его, его угощающие, потентаты и управители»¹¹.

Действительно, уже в период Великого посольства (1697–1698)¹² Петр, побывав в Голландии, Англии, Австрии и других странах Европы, где изучал кораблестроение и кораблевождение, посещал лекции по астрономии и анатомии, знакомился с коллекциями музеев и преподаванием наук в университетах, встречался со многими известными учеными и т. д., смог составить более или менее ясную картину западноевропейской научной жизни. Царь не только работал топором на Саардамской верфи, он знакомился с культурной, технологической и научной ситуацией Западной Европы, ибо прежде всего он ездил «за идеями»¹³. К примеру, в Амстердаме Ост-Индская компания специально заложила фрегат «Апостолы Петр и Павел» для того, чтобы царь смог лично участвовать во всех стадиях его строительства. И все же Петр оставался глубоко разочарованным. Дело в том, что «в ходе строительства он обнаружил, что голландцы строят свои корабли, руководствуясь практическими навыками, а не теорией. Разнообразные строительные навыки, вероятно, можно было получить и в России, но навыки, даже если они приводили к практически хорошим результатам, мыслились как нечто низшее, царь требовал от „иностраных учителей“ „ушить ла грамер“ (т. е. учить основам, грамматике. – И. Д.) корабельного дела. Вот как он сам рассказал об этом в предисловии к „Морскому регламенту“: „На Ост-Индской верфи, вдав себя с прочими волонтерами в научение корабельной архитектуры, государь в краткое время совершился в том, что подобало доброму плотнику знать, и своими трудами и мастерством новый корабль построил и на воду спустил.

Потом просил той верфи баса[мастера] Яна Поля, дабы учил его препорции корабельной, который ему чрез четыре дня показал. Но понеже в Голландии нет на сие мастерство совершенства геометрическим образом, но точию некоторые принципы, прочее ж с долговременной практики, о чем и вышпереченный бас сказал, и что всего на чертеже показать не умеет, тогда зело ему стало противно, что такой дальний путь для сего восприял, а желаемого конца не достиг“.

Далее сообщается, что Петр был „гораздо невесел ради вышписанной причины“ и утешился, лишь узнав, что „в Англии сия архитектура так в совершенстве, как и другие, и что кратким временем научиться мочно“»¹⁴.

Но вместе с тем следует отметить, что естествознание интересовало Петра главным образом в его, как выразился В. Хинц, «кунсткамерной форме»¹⁵. «Выбор Голландии, вне всякого

¹¹ Феофан Прокопович. Слово на похвалу блаженных и вечнодостойных памяти Петра Великого // Петр Великий: Pro et Contra. Антология. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 2003. С. 67–84. См. с. 79–80.

¹² Петр пробыл в Западной Европе 1 год 5 месяцев и 16 дней. Подр. о Великом посольстве см.: Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб., 2008.

¹³ Замечу, что сам факт посещения русским царем Западной Европы был неслыханной новостью. «Посылка сия и намерение, восприятое монархом, отлучиться из России в иностранные земли, принята была подданными с величайшим негодованием, яко дело не только никогда не бывалое, но и яко противное закону прежних государей и закону божию; а духовенство не оставило то объяснить и из Священного Писания, в коем возбранялось израильскому народу иметь сообщение с иноплемениками, и что странствование людям Нового Израйля в еретические земли, яко противное закону божию, нанесет повреждение вере и православному закону» (Голицев И. Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России, собранныя из достоверных источников и расположенныя по годам. В 12-ти частях. Ч. 1. М., 1788–1789. С. 282–283). «Намерение» так потрясло старозаветных современников Петра, что иные из них «положили убить государя» (Там же. С. 283).

¹⁴ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. К семиотической типологии русской культуры XVIII века // Из истории русской культуры. Т. IV. М., 1996. С. 425–447. См. с. 443–444.

¹⁵ Hinz W. Peters den Grossen Anteil in der wissenschaftlichen und kunstlerischen Kultur seiner Zeit. Inaugural-Dissertation. Leipzig; Breslau: Jungfer, 1933. S. 26.

сомнения, был сделан под влиянием „великого посла“ Франца Лефорта, выходца из семьи женеvских патрициев, кальвиниста, женатого на католичке. Напомним, что в Голландии Петр основал русскую типографию. Иначе говоря, царь поступил в соответствии с эмигрантским стереотипом поведения: для идеологов всех толков Голландия была притягательна прежде всего как страна свободного книгопечатания. Пусть книги, выпущенные в этой типографии, по содержанию мелки. Но у них есть важная и общая черта: это книги светские (следовательно, амстердамская типография противопоставляется московскому Печатному двору, находившемуся в ведении патриарха Адриана); это книги многоязычные, утверждающие равноправие латыни, сакрального языка католиков, и национальных языков евангелистов. „Вмешательство“ в традицию московского книгопечатания сам Петр считал первой своей реформой»¹⁶.

По-видимому, поначалу он склонялся к созданию в России не академии, но университета. Таков был западный опыт. Молодой царь в беседе с патриархом Адрианом, состоявшейся в декабре 1698 года, т. е. вскоре после возвращения Великого посольства, пожаловался, что в Москве хотя «благодатию Божиею и есть школа, и тому бы делу порадовать можно», да «мало которые учатся» и «никто школы как подобает не надзирает», а потому для подготовки образованного духовенства приходится посылать в Киев. Между тем необходимо, чтобы из «царской школы» в Москве «во всякия потребы люди благоразумно учася происходили, в церковную службу, и в гражданскую, воинствовать, знати строение и докторское врачевское искусство». А кроме того, Петр указал патриарху на необходимость обучения духовенства, поскольку именно в нем он тогда надеялся увидеть проводников своих реформ в массу народа: «Священники ставятся грамоте мало умеют; еже бы их таинств научати и ставити в тот чин. На сие надобно человека и не единого, кому сие творити, и определите место, где быти тому. Чтобы возыметь промысл о вразумлении к любви Божией и знанию его христиан православных и зловещих татар, мордвы и черемисы и иных»¹⁷.

В итоге основанное братьями Лихудами Славяно-греко-латинское училище в Заиконоспасском монастыре¹⁸ было в 1701 году преобразовано в Московскую академию, которая представляла собой полный аналог академии Киевской. В связи с чем иерусалимский патриарх Досифей – в свое время отправивший в Москву ученых братьев Лихудов – в послании от 15 ноября 1703 года упрекал Стефана Яворского (бывшего префекта Киево-Могилянской коллегии, назначенного в конце 1700 года местоблюстителем патриаршего престола), что тот «в конец еллинское училище стерл и токмо о латинских школах старается»¹⁹.

И в Московской, и в Киевско-Могилянской академиях читались лекции по философско-богословским дисциплинам, тогда как право и медицина не преподавались, а потому эти учебные заведения не могли считаться «полными» университетами, хотя в некоторых отношениях были близки к ним²⁰. Но формально царский наказ был исполнен: выпускники этих академий, люди «всякого чина и сана», могли служить на разных государственных должностях.

Позднее, по мере усиления контактов с Западной Европой, идея организации в России «настоящего» университета обретала все более отчетливый вид. После капитуляции швед-

¹⁶ Панченко А. М. Начало Петровской реформы: идейная подоплека // XVIII век. Сборник 16. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 5–16. См. с. 15.

¹⁷ Знаменский П. В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881. С. 12; Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого: В 4 т., в 6 кн. Т. 3. СПб., 2008. С. 511–512.

¹⁸ Училище это в конце XVII столетия пребывало в весьма плачевном состоянии, о чем в донесении царю было сказано: «Школа, бывшая под надзором патриарха, в расстройстве; ученики числом 150 человек, очень недовольны, терпят во всем крайний недостаток и не могут учиться: потолки и печи обвалились» (Знаменский П. В. Духовные школы в России... С. 12).

¹⁹ Харламович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. С. 649; Вознесенская И. А. Московская Славяно-греко-латинская Академия в первой трети XVIII в. // Россия и христианский Восток. La Russie et l'Orient Chretien. Вып. II–III. М., 2004. С. 518–523.

²⁰ Рожdestвенский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т. 1. СПб., 1912. С. 47.

ских провинций Эстляндии и Лифляндии²¹ Петр пообещал сохранить университет (Academia Gustaviana) в Пернове (совр. Пярну)²² при условии, что горожане не будут оказывать сопротивления при вступлении в него русских войск. После капитуляции Пернова Петр I подтвердил обещание сохранить университет и даже собирался направить туда на учебу русских студентов, но вскоре университет был закрыт (поскольку шведские профессора покинули Лифляндию) и возрожден только в 1802 году.

В начале XVIII столетия появился ряд проектов организации как отдельных университетов, так и сети высших государственных школ (проекты А. Курбатова, Ф. С. Салтыкова и др.). Авторы этих предложений объединяло понимание того, что русские люди должны «сравниваться во всех свободных науках со всеми лучшими европейскими государствами», поскольку «без свободных наук и добрых рукоделий не может государство стяжать себе умного имения и такожде будет всегда требовать во всех делах из других ученых государств людей на послуги свои и вспоможение»²³. Какова была реакция Петра на подобные проекты – неизвестно, но вполне возможно, что он в дальнейшем так или иначе учитывал высказанные в них мысли и пожелания.

Вместе с тем, как отметил А. Ю. Андреев, «вопрос о будущей форме и устройстве нового „петровского“ университета оставался открытым. Следует подчеркнуть, что потенциал развития православных университетов „доклассического“ типа не был исчерпан и... с их помощью можно было удовлетворять требования государства по подготовке образованных людей для различных родов государственной службы. Закономерным продолжением этой тенденции было бы предлагавшееся широкое открытие академий или коллегий при монастырях, а также превращение существующих Киевской и Московской академий в „полные“ университеты. Однако эти тенденции остались нереализованными в петровскую эпоху, что во многом обуславливалось общим направлением проводимой царем секуляризации общественной жизни. Возможность организации российских университетов под церковным управлением была окончательно отсечена Духовным регламентом 1721 года, который поставил перед Святейшим Синодом задачу создать отдельную систему школ для подготовки духовенства – в развитии же светского образования роль Церкви не получала по Духовному регламенту никакой законодательной опоры»²⁴. Таким образом, Петр I в итоге отказался от мысли доверить подготовку государственных служащих Церкви. Более того, он перевел монастырские и церковные вотчины под государственное управление, монахам было запрещено держать письменные принадлежности. Царь, ориентируясь на пример протестантской Северной Европы, технически более развитой, чем европейский юг, пришел к другой идее относительно того, как именно надлежит действовать, «чтобы науки и искусства в нашем государстве в вящий цвет произошли»²⁵, о чем пойдет речь далее.

²¹ Лифляндское дворянство и город Рига капитулировали 4 (15) июля, а Пярну – в августе 1710 года; эстляндское дворянство и город Ревель – 29 сентября (10 октября) того же года.

²² В 1630 году в Дерпте была открыта Академическая гимназия, которая в 1632 году была преобразована в учебное заведение с правами университета (Academia Gustaviana; в честь шведского короля Густава II Адольфа). После того как в ходе Русско-шведской войны (1656–1658) Дерпт был занят русскими войсками, занятия в университете прекратились; но некоторое время они продолжались в Ревеле. По Кардисскому миру (1661) Дерпт был возвращен Швеции, однако деятельность университета возобновилась лишь в 1690 году по инициативе короля Карла XI (функционировал под названием Academia Gustaviana Carolina). В 1699 году университет был переведен в Пернов, где функционировал до 1709 года, когда началась эвакуация университетской библиотеки, архива и других учреждений в Швецию.

²³ Цит. по: *Рождественский С. В.* Очерки... С. 76–77.

²⁴ Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 162–163.

²⁵ Герье В. И. Лейбниц и его век. Отношения Лейбница к России и Петру Великому. СПб., 2008. С. 725.

Крестный отец академии

В исторической литературе отмечается важность контактов Петра с Г. В. Лейбницем, который искренне желал, чтобы русский царь «привел в исполнение прекрасное и великое намерение цивилизовать свою обширную империю и ввести в нее науки, искусства и хорошие обычаи... Таким образом, можно было бы сразу усовершенствовать и привести в лучшее состояние значительную часть земного шара и почти весь северо-восток нашего материка»²⁶.

Петр общался с немецким философом как заочно (Лейбниц неоднократно подавал царю записки о «введении наук и искусств» в России), так и при их личных встречах.

Акад. В. Е. Захаров, физик-теоретик и поэт, с простодушием и безапелляционностью дилетанта заявил на собрании РАН: «Лейбниц впервые встретился с Петром I в 1697 году, во время первого путешествия Петра по Европе, – тогда неотесанный парень из России ему не понравился»²⁷. Поэтическое воображение в данном случае подвело Владимира Евгеньевича. Дело было не так.

Как выразился С. М. Соловьев, «цивилизованная Европа выслала двух своих представительниц со своей стороны посмотреть на Петра, на эту диковину, высылаемую нецивилизованною Восточною Европою»²⁸, а именно: Софию Шарлотту Ганноверскую (Sophie Charlotte von Hannover; 1668–1705)²⁹ и ее мать Софию Ганноверскую (Sophie von Hannover, Sophie von der Pfalz; 1630–1714). Причем встреча произошла по инициативе этих замечательных дам, одна из которых так мотивировала свое желание в письме тайному советнику, президенту консистории П. Фуксу: «Мне очень жаль будет его не видать, и я хотела бы, чтобы его уговорили проехать здесь, не для того, чтобы что-либо видеть, но, чтобы показаться, и мы с удовольствием сберегли бы в том, что тратят на редких зверей, чтобы использовать его в этом случае»³⁰.

Поскольку Петр путешествовал инкогнито³¹, то встреча происходила в небольшом замке Коппенбрюгге (*Coppenbrügge*) в 40 километрах от Ганновера и в весьма узком кругу. Лейбниц, как, кстати, и курфюрст Фридрих, на встрече не присутствовал. Повеселились от души: поели, попили («по-московски, т. е. выпивая зараз и стоя»³²), потанцевали³³ и к утру разошлись.

Личность Петра очень интересовала Софию Шарлотту и ее мать. Последняя так охарактеризовала молодого царя: «У него прекрасные черты лица и благородная осанка, он обладает большою живостью ума; ответы его быстры и верны. Но при всех достоинствах, которыми одарила его природа, желательно было бы, чтобы в нем было поменьше грубости. Это государь

²⁶ Герье В. И. Лейбниц и его век... С. 639.

²⁷ Захаров В. Е. Академия наук и Россия // Троицкий вариант. 2013. 10 сентября. № 137. С. 2–3. См. с. 2.

²⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VII. Т. 14. Глава 3: Окончание двоевластия. Царствование Петра I Алексеевича. М., 1959–1966. С. 524–602. См. с. 551.

²⁹ София Шарлотта, курфюрстина Бранденбургская, в 1701 году стала прусской королевой. «Ученица и приятельница Лейбница, в юности восхищавшая своим умом, грацией и красотой версальский двор, где она провела около двух лет, и самого Людовика XIV, София Шарлотта стояла на уровне самых выдающихся, развитых и образованных людей своего времени» (Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 2: Первое заграничное путешествие. Часть 1 и часть 2: 9 марта 1697 – 25 августа 1698 года. М., 1940–1941. С. 120–121). Ее брак с курфюрстом Бранденбурга Фридрихом III (1657–1713), с 1701 года – королем Пруссии, заключенный по политическим мотивам, оказался несчастлив. С 1696 года она жила отдельно в имении Литцов (Lietzow, Lützow) и ее супруг получал доступ туда только по ее приглашению.

³⁰ Цит. по: Богословский М. М. Петр I... Т. 2. С. 113. Несколько ранее при бранденбургском дворе Петра I развлекали травлей зверей.

³¹ Под именем Петра Михайлова – десятника отряда волонтеров.

³² Там же. С. 116.

³³ Из описания В. О. Ключевского: «Сначала растерявшись, Петр скоро оправился, разговорился, очаровал хозяек, переполнил их со свитой по-московски, признался, что не любит ни музыки, ни охоты, а любит плавать по морям, строить корабли и фейерверки, показал свои мозолистые руки, участвовал в танцах, причем московские кавалеры приняли корсеты своих немецких дам за их ребра, приподнял за уши и поцеловал 10-летнюю принцессу, будущую мать Фридриха Великого, испортив ей всю прическу» (Ключевский В. О. Курс русской истории: полное издание в одном томе... С. 760–761).

очень хороший и вместе очень дурной; в нравственном отношении он полный представитель своей страны. Если бы он получил лучшее воспитание, то из него вышел бы человек совершенный, потому что у него много достоинств и необыкновенный ум». «Видно также, что его не выучили есть опрятно», – заметила другая курфюрстина³⁴.

Лейбницу же удалось тогда добиться только встречи с племянником Ф. Лефорта Петром³⁵, которому он передал составленные накануне записки. В первой из них немецкий философ сформулировал свой взгляд на первоочередные задачи, стоящие перед царем в деле «цивилизации» страны:

«Чтобы перенести их (т. е. «науки и искусства». – *И. Д.*) в Россию сообразно с намерением царя, было бы полезно предоставить заботу об этом известным лицам и поручить им составить общий проект, который имел бы следующие два основания: во-первых, привлечь в Россию все, что ни есть лучшего у иностранцев как относительно умных и сведущих людей, так и относительно вещей редких и полезных; во-вторых, совершенствовать у себя в отечестве людей, страну и все, что с этим в связи. Людей можно развивать, заставляя их путешествовать и обучая их дома. Страну же можно совершенствовать, точно изучая все, что в ней есть и чего нет, и стараясь дополнить то, чего ей недостает.

Итак, вот несколько статей, которые заключают в себе все, что необходимо сделать: 1) основать центральное учреждение для наук и художеств; 2) привлечь способных иностранцев (во второй записке Лефорту, конкретизировавшей первую, Лейбниц настоятельно советовал отменить или изменить законы, «которые пугают иностранцев, особенно закон, воспрещающий им свободный приезд и выезд»³⁶. – *И. Д.*); 3) выписать из-за границы такие вещи, которые стоят этого; 4) посылать подданных путешествовать, приняв надлежащие предосторожности; 5) просвещать народ у себя; 6) составить точное описание страны, чтобы узнать ее нужды, и 7) доставить ей то, чего ей недостает»³⁷.

В последующих записках и беседах с Петром I Лейбниц по сути придерживался идей, сформулированных им в 1697 году, добавляя и изменяя некоторые детали.

Разумеется, немецкий философ-энциклопедист хотя и уверял Петра и его окружение в том, что предпочитает «интерес общечеловеческий (а следовательно, и славу Божью) всем остальным более частным интересам»³⁸, однако же не забывал и о последних, и особенно о тех, которые касались лично его. По словам В. И. Герье, Лейбниц, который «давно тяготился своим положением в Ганновере и искал выхода из него» и который «охотно променял бы свою службу у резкого и повелительного курфюрста, мало интересовавшегося наукой, на более легкую зависимость от добродушного Антона-Ульриха»³⁹, «чрезвычайно желал принять на себя руководство академией, которую советовал учредить в Петербурге, или занять место в ученой коллегии, которой, по его плану, следовало поручить введение наук и устройство учебной части в России»⁴⁰. Но при этом он хотел, получая русское жалованье, оставаться в Германии, чтобы иметь возможность продолжать свою научную деятельность и сохранять свои ученые связи, а главное – свободу (пусть даже относительную). Для Лейбница (как и для любого интеллектуала) вопрос о сохранении своей независимости от тех, кто ему платит, т. е. о возможности по своему усмотрению распоряжаться своим временем и выбором занятий, был главным. Но,

³⁴ Цит. по: *Ключевский В. О.* Курс русской истории: полное издание в одном томе... С. 761.

³⁵ Возможно, он разминутся с царем на одной из почтовых станций (*Андреев А. Ю.* Российские университеты... С. 195).

³⁶ *Герье В. И.* Лейбниц и его век... С. 592. – *И. Д.*

³⁷ Там же. С. 591–592.

³⁸ Там же.

³⁹ Речь идет об Антоне Ульрихе герцоге Брауншвейг-Вольфенбюттельском (Anton Ulrich von Braunschweig-Wolfenbüttel; 1633–1714), покровителе наук и искусств. Лейбниц даже был готов передать Антону Ульриху руководство Академией, а самому быть при нем вице-президентом.

⁴⁰ *Герье В. И.* Лейбниц и его век... С. 685.

как правило, тот, кто платит (будь то государство или патрон/спонсор), этого не понимают и/или не принимают, исходя из того, что если они платят, то они же вправе регулировать творческий процесс. В итоге это приводит к весьма затейливым играм между патроном и клиентом (властью и подданным). «Нет слов, – писал 5 сентября 1695 года Лейбниц немецкому юристу и философу Винсенту Плакку (Vincentius Placcius; 1642–1699), – чтобы описать, насколько я не сосредоточен. Ищу в архивах разные вещи и собираю ненапечатанные рукописи, с помощью которых надеюсь пролить свет на историю Брауншвейгского дома. Я получаю и отправляю немалое число писем». И далее он упоминает также о своих математических и логических трудах, замечая: «Но все эти мои работы, за вычетом исторических, идут чуть ли не тайно. Вы ведь знаете, что при дворе требуют и ожидают совсем иного (*Hi tamen omnes labores mei [si Historicos excipias], pene furtivi sunt. Nam in aulis scis longe alia quaeri atque expectari*). Поэтому время от времени мне приходится заниматься вопросами международного права и прав имперских князей, особенно моего господина»⁴¹.

Не следует недооценивать и политического фактора. Лейбниц надеялся, что Россия сыграет ключевую роль в коалиционной борьбе против Османской империи, т. е. поможет «смирить турок и изгнать магометанство по крайней мере из Европы»⁴², для чего России потребуются пройти этап модернизации, или, говоря словами Лейбница, «благоустройства... и возделывания до совершенства вертограда (*plantation*)»⁴³, данного Богом русскому самодержцу, а в этом деле «ничто не может быть так важно... как наука и художества»⁴⁴.

Вполне возможно также, что Лейбниц, видя возрастающее могущество России, опасался, что в итоге оно может быть обращено против Западной Европы, а потому полагал необходимым, в интересах западного мира, «цивилизовать... обширную империю и ввести в нее науки, художество и хорошие обычаи»⁴⁵.

Как изящно подытожил позицию Лейбница академик М. М. Богословский, немецкий философ «в необъятной стране восточных варваров видел, с одной стороны, источник для лингвистических и этнографических ученых изысканий, а с другой – пригодный материал для политических экспериментов»⁴⁶. Разумеется, Лейбниц, особенно в последнее десятилетие своей жизни, ратовал за включение России в систему европейских государств. Но его позиция определялась не какими-то пророссийскими симпатиями и даже не тем, что он «поддался магии, исходившей от Петра»⁴⁷, но прагматической необходимостью расширения цивилизационного пространства Европы, необходимостью, порожденной военно-политическими, геополитическими и экономическими соображениями. Иными словами, встретились два прагматика с разными «бизнес-планами»: один отстаивал идею цивилизовать Россию в интересах Запада, другой надеялся ее преобразовать, исходя из ее интересов, используя Запад как инструмент задуманного преобразования. Если верить графу А. И. Остерману, Петр сформулировал свою программу с солдатской прямоотой: «Мы возьмем у Европы все полезное, а потом повернемся к ней задом»⁴⁸.

В ноябре 1708 года Лейбниц тайно встречался с русским послом в Вене, своим давним знакомым бароном Иоганном Кристофом фон Урбихом (Johann Christof von Urbich; 1653–

⁴¹ Leibniz G. W. Sämtliche Schriften und Briefe. Zweite Reihe: Philosophischer Briefwechsel. 1695–1700. Berlin, 2013. Bd. 3. Nr 75400/2 (s/p).

⁴² Герье В. И. Лейбниц и его век... С. 591.

⁴³ Там же. С. 590.

⁴⁴ Там же. С. 591.

⁴⁵ Там же. С. 639; 614.

⁴⁶ Богословский М. М. Петр I... Т. 2. С. 112.

⁴⁷ Benz E. Leibniz und Peter der Große. Der Beitrag Leibnizens zur russischen Kultur-, Religions- und Wirtschaftspolitik seiner Zeit // Leibniz zu seinem 300. Geburtstag, 1646–1946. Lieferungen 1–8. Berlin, 1946–1952. Lieferung 2. S. 1–88. См. S. 8.

⁴⁸ Цит. по: Романовский С. И. Наука под гнетом... С. 28.

1715). О чем они говорили – неизвестно, но результатом их переговоров стала датированная декабрем 1708 года следующая записка, которую Лейбниц составил для передачи Петру I:

«§ 1. По требованию его превосходительства царского уполномоченного я набросал здесь на бумаге несколько мыслей о введении истинной науки в обширном государстве его царского величества, ибо для меня не может быть ничего приятнее, как содействовать сколько-нибудь общему благу и усовершенствованию людей, а также славе Божьей, тем более, что это царство обнимает большую часть земного шара, т. е. почти весь север нашего полушария. Кроме того, я полагаю, что так как эта страна представляет почти непочатое поле и, подобно новому сосуду, не усвоила себе чуждого запаха, то многие вкравшиеся у нас ошибки могут быть предотвращены и исправлены, особенно потому, что всем будет руководить ум мудрого государя.

§ 2. Истинную цель науки составляет блаженство людей, т. е. состояние постоянного удовлетворения, насколько это возможно для человека, причем они не должны жить в праздности и роскоши, но содействовать всякий по своим силам прославлению Господа и общественному благу нелицемерной добродетелью и познанием истины. Средство, с помощью которого можно повести людей на этот путь добродетели и счастья, заключается в хорошем воспитании юношества. Посредством воспитания можно даже у животных делать чудеса, тем более у людей, которые получили от Господа бессмертную душу и созданы по его образу и подобию. Юношество можно так вести, чтобы вселить в него любовь к добродетели и охоту к науке; взрослых же, которые не получили такого воспитания, нужно сдерживать страхом наказания; с ними приходится иметь много терпения и им следует многое прощать.

§ 3. Я не стану говорить теперь о том, как следует вести юношество по указанному пути⁴⁹, так как это требует особого изложения; но обращусь к наукам и искусствам. Введение наук и художеств в области, подвластные царю, заключается, во-первых, в том, чтобы перенести их туда, во-вторых, в дальнейшем возделывании их.

§ 4. Перенести науки и искусства можно посредством сведущих людей и посредством приобретения необходимых пособий, состоящих преимущественно в книгах и в произведениях природы и искусства. Для этого нужны библиотеки, музеи по естественной истории и по искусствам, зоологический и ботанический сады, обсерватория и лаборатория.

§ 5. Относительно призвания годных и способных людей я не сомневаюсь, что известное число их уже приглашено, но что многих также еще недостает; во всяком случае необходимо было бы следовать в этом определенному плану и порядку, завести переписку внутри империи и за границей, поддерживать между ними известную связь и подчинить их общему руководству, для того чтобы науки и искусства были верно и хорошо излагаемы, преподавание их шло правильно и по определенному методу, чтобы между науками и преподавателями соблюдалась известная связь и гармония, чтобы различные учения хорошо согласовались и не противоречили друг другу, но, напротив того, поясняли друг друга.

§ 6. Библиотека должна быть сколько возможно обширна и хорошо снабжена, ибо часто и в плохих книгах можно найти много хорошего, чего нет в лучших; но так как во всем следует держаться известной постепенности, то нужно начать с самого важного. По моему мнению, следовало бы приобрести по всем предметам что-нибудь отличное, но в особенно большом количестве книги по реальным предметам, под которыми я разумею: 1) математику с механикой; сюда относятся астрономия и ее применения к географии, мореплавание, военное искусство и архитектура; 2) естественные науки (*physica*) по трем царствам природы; сюда же принадлежат земледелие, горное дело, химия, ботаника, анатомия, медицина со всеми искусствами, основанными на знании природы; 3) историю, которая включает в себе описание времен

⁴⁹ О педагогических идеях Лейбница см.: Смагина Г. И. Немецкие образовательные идеи и российская школа XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 205–220.

и мест, следовательно, объяснение отдельных случаев (*rerum singularium expositio*); сюда входят описания и истории государств и областей, сочинения по государственному праву и особенно путешествия. Латинские книги должны составить главный отдел библиотеки; но не следует забывать хорошие сочинения на немецком, английском, голландском, французском и итальянском языках, так как в них находятся важные сведения особенно для практики, которых напрасно станешь искать в латинских книгах. Греческие печатные сочинения я причисляю к латинским, так как они большей частью снабжены латинским переводом. Но не следует также упускать из внимания, кроме славянских, арабские, персидские, турецкие и китайские книги, и при этом должно стараться приобретать разные древние и новые рукописи. Особенно нужно заботиться о собирании гравюр и рисунков, в которых представлены произведения природы и искусства и изобретения людей, чтобы идеи становились таким образом доступными для глаза и, так сказать, воплощались.

§ 7. О музее и относящихся сюда кабинетах и кунсткамерах, арсеналах, галереях древностей, скульптуры и живописи, зоологических и ботанических садах, помещении для моделей и орудий, цейхгаузе и прочем можно было бы сказать много, ибо необходимо так устроить их, чтобы они служили не только предметом общего любопытства, но и средствами для усовершенствования художеств и наук. Но для этого потребовалась бы особая статья, а теперь достаточно напомнить, что в этом деле нужно иметь сколь можно более радения, а потому не нужно упускать ничего, сюда относящегося.

§ 8. Нужна также лаборатория с хорошими химиками, сведущими во всем, что может быть достигнуто посредством огня. Эта лаборатория должна была бы находиться в связи с аптеками, медицинской частью и горным делом, с монетным и пробирным дворами, с металлическими и стеклянными заводами и артиллерийским управлением, и хотя отнюдь не следует рассчитывать на добывание золота, можно было бы там производить множество прекрасных опытов и посредством их исследовать свойства тел, разлагать их, увеличивать их силу и совершенствовать их, ибо огонь представляет самый главный ключ к объяснению сил природы⁵⁰.

§ 9. Относительно обсерватории нужно заметить, что география и мореплавание заимствуют свой главный свет от астрономических наблюдений. И так как обширное Русское царство обнимает значительную часть земного шара, которую можно считать за *terra vergine* для науки, ибо в ней производилось мало достоверных наблюдений, то его царское величество может пролить новый свет на мореплавание и географию, устроив хорошие учреждения для астрономических наблюдений, и этим оказать немалую услугу роду человеческому, а также доставить большую пользу своему собственному государству, ибо с помощью России и ее торговли можно соединить Азию и Китай с Европой и извлечь из этого несказанную выгоду.

§ 10. До сих пор я говорил только о том, что способствует введению наук и художеств; теперь следовало бы также поговорить о способе распространения их, для того чтобы они пустили хорошие корни в обширном государстве царя и со временем дошли до значительного процветания; но для этого необходимо было бы ближе знать обстоятельства страны и людей. Можно наперед сказать только то, что необходимо учреждение особенной влиятельной коллегии с обширным кругом власти, от которой бы зависели до известной степени высшие и низшие учебные заведения, назначение ученых, книжное дело, типографии, переводы, цензура книг, а также художники и ремесленники с их произведениями. Наконец, я должен упомянуть, что, хотя настоящая Северная война и могла бы произвести замедление в этом прекрасном предприятии, все же следовало бы не откладывать приобретения многих относящихся сюда пред-

⁵⁰ Здесь Лейбниц немного отстал от современного ему состояния химии. Уже Р. Бойль в 1660-х годах писал о том, что *analysis by fire* отнюдь не универсальный и не лучший метод химического анализа, и предлагал заменить термодеструкцию экстракцией различными растворителями. Бойль выполнил большую экспериментальную работу в этом направлении. Более того, Парижская академия наук в конце XVII века разработала большой проект анализа растительного сырья экстракционными методами (Всеобщая история химии. Становление химии как науки. Гл. 1. М.: Наука, 1983).

метов, так как при теперешней тяжелой и продолжительной войне многое можно приобрести во Франции и в других местах за половину той цены, которую придется дать, когда здешние люди будут находиться в менее стесненном положении; многое же тогда совсем нельзя будет купить»⁵¹.

Как видим, основной акцент Лейбниц делал на образовании молодых людей и тех факторах, которые должны способствовать «введению наук и художеств» в России, тогда как об их «распространении» и развитии в его записке сказано очень лапидарно.

Реакции русского правительства на эти предложения Лейбница не последовало. Казалось бы, причина очевидна: Петру тогда было не до наук и образования – война со шведами, губернская реформа, множество других неотложных дел, да и подлечиться нужно было. Однако в конце 1708 – начале 1709 года царь находит время для усовершенствования гражданского шрифта и улучшения книжных переплетов (чтобы книги «не тарасились»), а также для дел совсем не царского масштаба: скажем, наставляет Кикина об устройстве фонтанов, просит прислать ему из Англии «добрых карандашей», а из Вест-Индии – «пуда два добрых табачных семян» и т. д. Возможно, Петр понимал – идея обзаведения государства науками и «европским» высшим образованием должна созреть. Впрочем, возможно, были и другие причины молчания царя. Но как бы то ни было, ситуация изменилась только к осени 1711 года, когда позади остались и Полтавская «виктория», и трагедия Прутского похода. Лейбниц наконец смог лично побеседовать с Петром в Торгау на Эльбе во время свадьбы царевича Алексея и Шарлотты Кристины Софии, принцессы Брауншвейг-Вольфенбюттельской. После Торгау они встречались еще два раза: в Карлсбаде (1712) и в курортном городке Бад-Пирмонт (курфюршество Ганновер), куда Петр I прибыл на лечение (конец июля – начало августа 1716⁵²).

Во всех беседах Лейбница с царем красной нитью проходила тема создания Академии наук и художеств с широкими функциями и полномочиями, Академии, которая бы не только проводила научные исследования, но и руководила начальными училищами, подготовкой и аттестацией учителей, а также всем книгоизданием.

Кроме того, Лейбниц поделился с Петром своими идеями о развитии транспорта в России (в том числе о строительстве Волго-Донского канала), об осушении болот, о добыче полезных ископаемых, о новых фабриках, мануфактурах, горных заводах и о многом другом. Особый акцент философ делал на необходимости организации академических экспедиций с широким кругом задач, в которые входили бы и поиск сухопутного перешейка между Азией и Америкой (или доказательство отсутствия такового), и измерение отклонения магнитной стрелки компаса в разных широтах, и картографические работы, и исследование флоры, фауны и минералов отдаленных регионов России, и изучение языков местных жителей, и т. д.

Ко второй, карлсбадской встрече с царем, состоявшейся в конце осени 1712 года, Лейбниц подготовил пространную записку⁵³, где, в частности, развивал мысль о создании в четырех городах России (Москве, Петербурге, Киеве и Астрахани⁵⁴) университетов, которые должны были составить единое целое со средними школами и Академией. Разумеется, не были забыты библиотеки, научные музеи, обсерватории и т. п. При чем Лейбниц неоднократно подчеркивал: «Хорошо, если все то начертание будет исполнено сразу, руководимое единым духом»⁵⁵.

⁵¹ Герье В. И. Лейбниц и его век... С. 648–650.

⁵² Вскоре после этой встречи Лейбниц скончался (14 ноября 1716).

⁵³ Направлена царю 9 сентября 1712 года в Грайфсвальд.

⁵⁴ Лейбницевский принцип размещения университетов состоял в следующем: центр страны (Москва) + «ворота империи»: Киев – обращен на юг, в сторону Турции, Астрахань – на восток, в сторону Персии, и Петербург – на запад, в сторону Германии и других европейских стран.

⁵⁵ Цит. по: Андреев А. Ю. Российские университеты... С. 197.

Во время этой встречи немецкий философ официально получает обещанную еще в Торгау должность тайного юстиц-советника с окладом 1000 серебряных талеров в год⁵⁶. Лейбниц ликовал – его долгожданные надежды наконец-то сбылись. Но он рано радовался. Его приглашение на русскую службу оказалось не более чем красивым жестом: получив единовременно 500 талеров, Лейбниц затем на протяжении нескольких лет безуспешно пытался добиться выплаты обещанного ему жалованья.

Что касается встречи и бесед в Пирмонте, то их результатом стал ряд записок Лейбница по организации научной, образовательной и административной системы России, подытоживавших его предыдущие проекты.

В многочисленных записках Лейбница обращает на себя внимание их преимущественно утилитарная направленность. И в этом позиции немецкого философа и русского царя вполне совпадали. Как заметил А. Ю. Андреев, «Лейбниц всячески подчеркивал практический характер образования», которое должно ввести в России. Так, «богословский факультет, по его мнению, должен готовить к миссионерству, юридический – к конкретной юридической практике, а также подготовке чиновников в области государственного права и международных отношений новейшего времени; медиков также следует готовить практически, в госпиталях и больницах, под надзором более опытных врачей...

В записках Петру университеты играют лишь подчиненную роль – они призваны готовить к службе, а главная отведена Академии наук, которая сосредотачивает в своих руках основные функции научного органа в государстве»⁵⁷.

Но и говоря об Академии, Лейбниц в первую очередь отмечает необходимость проведения не столько, как бы мы сегодня сказали, фундаментальных научных исследований в сфере физико-математических наук, сколько прикладных, направленных на удовлетворение государственных потребностей или же на сбор эмпирической информации, опять-таки имеющей то или иной прикладное значение (скажем, о фауне и флоре Сибири и других регионов или об отклонении магнитной стрелки компаса от линии меридиана, которым в то время пользовались в морской навигации для определения долготы). Именно поэтому его проекты и идеи привлекли внимание Петра. «Не материя сама по себе, – напишет с грустной иронией 200 лет спустя акад. П. И. Вальден, – а материя, встречаемая в России, составляла главную задачу исследования»⁵⁸.

Разумеется, Петр принял отнюдь не все, что ему предлагал Лейбниц. К примеру, последний полагал целесообразным учредить особую Коллегию народного просвещения, о чем писал практически во всех записках царю⁵⁹. Вообще, околонушной бюрократии посвящены самые

⁵⁶ По этому случаю Лейбницу были выданы грамоты на двух языках с подписью царя и с государственной печатью, датированные 1 ноября 1712 года. В них отмечалось, что новоиспеченный советник «ко умножению математических и иных искусств и приращению наук много вспомоши может» (*Benz E. Leibniz und Peter der Große... S. 26*).

⁵⁷ Андреев А. Ю. Российские университеты... С. 199–200.

⁵⁸ Вальден П. И. Очерк истории химии в России // *Ладенбург А. Лекции по истории развития химии от Лавуазье до нашего времени*. Одесса, 1917. С. 363–654. См. с. 393. Правда, акцент на практическом характере образования у Лейбница обусловлен его резко критическим отношением к схоластической системе средневековых университетов (альтернативой которым выступали ученые общества) и нежеланием, чтобы эта система пустила корни в России. Таким образом, идеи Лейбница «питались просветительской критикой университетов, откуда и происходил пафос необходимости там практического (я бы сказал – практико-ориентированного. – И. Д.) обучения». Однако он не стал требовать упразднения университетов, как некоторые его современники, а счел возможным «использовать их в будущей системе образования в России, хотя и с перестроенной в практическом духе системой преподавания» (Андреев А. Ю. Российские университеты... С. 201). К тому же профессионализация университетского образования, как ее понимал Лейбниц, предполагала на начальном этапе обучения сосредоточить внимание на развитии «ума и красноречия», что наилучшим образом можно сделать, изучая математику и механику.

⁵⁹ К тому, что было сказано об этой Коллегии в записке 1708 года (пункт 10; см. выше), в 1711 году были добавлены: контроль за всеми мануфактурами, фабриками и торговыми сделками, надзор за врачами и изготовлением лекарств, и, разумеется, Лейбниц не забыл еще раз подчеркнуть, что Коллегия должна следить, чтобы юношество получало «доброе воспитание, хороших наставников и хорошие книги» (*Guerrier W. Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Grossen. Eine geschichtliche Darstellung dieses Verhältnisses nebst den darauf bezüglichen Briefen und Denkschriften. Nr. 127. St Petersburg;*

вдохновенные абзацы Лейбницевых записок. Петру это импонировало, но в данном случае он поступил иначе: учредил не Коллегию народного просвещения, но – среди прочих – Берг-и Мануфактур-коллегии⁶⁰, которые проект Лейбница не предусматривал.

Разрабатывая свою концепцию введения наук в Россию, Лейбниц не забыл и о финансовой стороне дела. В одной из записок, подготовленной им к встрече с Петром в Торгау, немецкий философ оценил расходы на все предприятие в 10 тысяч талеров в год, т. е. около 7 тысяч рублей (1 талер в первой половине XVIII века равнялся примерно 70 русским копейкам)⁶¹. Что касается упомянутой выше ученой коллегии, функции и полномочия которой от одной Лейбницевой записки к другой все более разрастались⁶², то, «чтобы она была в состоянии исполнять свою обязанность и удовлетворить его величество, не отягощая его казны»⁶³, Лейбниц рекомендовал дать ей разные привилегии: издание календарей и газет, ссудные и страховые кассы, лотереи, т. е. многое из того, что он в свое время проектировал в Берлине и что там, за исключением календарей и обработки шелка⁶⁴, не нашло воплощения.

Петр, насколько можно судить по дошедшим до нас документам, финансовую часть лейбницеанского проекта оставил без комментариев (даже если бы имелась возможность организовать в России Академию наук на принципах если не полной самокупаемости – это уж совсем утопия! – но хотя бы с незначительными затратами, то такая Академия, независимая или слабо зависимая от власти, Петру была не нужна, ибо не вписывалась в его понимание «регулярного государства»).

В свое время, предлагая создать научное общество в Берлине, Лейбниц в переписке с курфюрстиной Софией Шарлоттой утверждал, что такое общество «не должно ничего стоить курфюрсту», поскольку оно должно «составить свой собственный фонд, который будет состоять только из некоторых уступок, сделанных курфюрстом с тем, чтоб ему это не стоило ничего кроме слов, и, следовательно, эти доходы могут быть только случайными». София Шарлотта, которая «чрезвычайно любила ученые прения и при этом удивляла всех ясностью своего суждения, особенно же своим тактом и гуманностью»⁶⁵, не без ехидства заметила по поводу идеи своего корреспондента организовать научное общество как доходное коммерческое предприятие: «Можно подумать, что вы хотите творить чудеса, управляя академией, которая ничего не будет стоить курфюрсту, хотя в нашем веке дешевые вещи вовсе не уважаются»⁶⁶.

Однако гораздо, на мой взгляд, важнее другое расхождение между немецким философом и русским царем: первый подразумевал под Академией не просто «социетет» ученых-иностранцев, но учреждение с большими полномочиями (см. выше), тогда как Петр создал нечто напоминающее отчасти Парижскую и Берлинскую АН, а отчасти Болонский институт (Accademia delle Scienze dell'Istituto di Bologna), основанный в 1714 году герцогом Луиджи Фердинандо Марсигли (Luigi Ferdinando Marsigli; 1658–1730)⁶⁷ и объединявший в себе Акаде-

Leipzig, 1873. S. 181–182).

⁶⁰ Поначалу, в 1718 году, это была одна коллегия, которую в 1722 году разделили на две.

⁶¹ Для сравнения: Парижская академия наук получала от короля около 42 тысяч ливров, т. е. 10,5 тысяч рублей (1 ливр – приблизительно 25 копеек).

⁶² Она должна ведать не только учебным и книжным делом, искусствами и ремеслами, но и медициной, аптеками, соляными и горными промыслами, изобретениями и мануфактурами, введением новых культур в сельском хозяйстве, новых предметов торговли и т. п. Словом, как заметила Ю. Х. Копелевич, «все это очень напоминает ту утопическую картину идеальной ученой коллегии „Дома Соломона“, которую нарисовал Фрэнсис Бэкон в „Новой Атлантиде“ и которая не воплотилась ни в одной реальной академии» (Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской академии наук. Л., 1977. С. 34).

⁶³ Герье В. И. Лейбниц и его век... С. 691.

⁶⁴ Лейбниц предложил использовать для обработки шелка бежавших из Франции протестантов, предоставив им монополию на это занятие.

⁶⁵ Герье В. И. Лейбниц и его век... С. 494.

⁶⁶ Harnack A. von. Geschichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Bds. 1–3. Berlin, 1900. Bd. I, 1. Hälfte: Von der Gründung bis zum Tode Friedrich's des Grossen. S. 89.

⁶⁷ Подр. см.: Копелевич Ю. Х., Ожигова Е. П. Научные академии стран Западной Европы и Северной Америки. Л., 1989.

мию наук, Академию живописи, скульптуры и архитектуры, музей, библиотеку, обсерваторию, анатомический театр и учебное заведение. Как с сожалением отмечает отечественный историк, учрежденная Академия «была только подражанием Парижской и Берлинской Академиям, „социететом персон, которые для произведения наук друг друга вспомогать имеют“»⁶⁸. Так что проект практически действующей науки, в применении ее «к ремеслам, к мануфактурной деятельности и вообще к улучшению народного благосостояния»⁶⁹ (того, что ныне называется «экономикой, основанной на знаниях»), так и остался нереализованным.

Вернемся, однако, к проектам Лейбница. Немецкого философа понять можно. Он исходил из того, что Россия в культурном отношении – *tabula rasa*, а это означало, что считаться с такими факторами, как национальные культурные традиции и т. п., не приходится. Ну какие традиции (адекватные задаче внедрения и распространения наук и художеств) могут быть у варваров? А между тем такое представление о России требует существенных оговорок. Авторы вступительной статьи к первому тому «Летописи Российской Академии наук» напоминают о некоторых реалиях допетровской эпохи: «В стране велось интенсивное городское строительство, совершенствовалось оружие в непрерывных войнах на Западе и на Востоке. Постепенно расширялись торговые и культурные связи с европейскими государствами. Русские дворцы возводились с применением самой совершенной для того времени строительной техники. На медеплавильных и доменных заводах, построенных на реках, работали такие же, как и в других странах, гидросиловые установки. Тульские домны даже превышали немецкие и шведские по высоте и суточному производству чугуна. Со второй половины XVII в. разведкой руд в стране стали заниматься государственные учреждения и экспедиции, посылавшиеся в самые отдаленные районы, вплоть до Крайнего Севера. Совершенствовалось и оружие. Вместо кованых железных орудий появились литые из меди и чугуна. Наряду с кустарным возникло и заводское производство пороха. Все это вело к совершенствованию эмпирических знаний в сочетании с народным опытом, накопленным веками, к постепенному заимствованию и усвоению практических достижений европейской науки» и т. д. Этот перечень можно продолжить, что и сделали авторы цитированного фрагмента, подытожив сказанное укоризной немецкому философу: «Россия к началу царствования Петра I, во всяком случае в отношении использования практических достижений европейской науки, отнюдь не была целиной или „чистой доской“, как самоуверенно утверждал Г. В. Лейбниц»⁷⁰.

Тогда возникает естественный вопрос – если с развитием технологий все было так замечательно, то почему Петр начал энергично создавать новые заводы и проводить прочие технологические реформы? Только потому, что был «пылким монархом с разгоряченным воображением»⁷¹? Или были причины поинтереснее? Авторы приведенного текста как-то стеснительно умолчали про то, что, скажем, Тульские железоделательные заводы были построены голландцами. В 1632 году голландский купец Андреас (Андрей Денисович) Винниус получил от царя Михаила Федоровича жалованную грамоту (концессию) на устройство первого в России доменного «мельнишного завода» на реке Тулице в 12 верстах от Тулы «на 10 лет безоброчно», где изготовлялись ядра и пушки⁷². Вскоре, в 1652 году, также около Тулы голландцем Филимоном Акемой и датчанином Петром Марселисом был выстроен другой завод – для изготовления разного оружия. Причем строители этих заводов выписали из-за границы литейщиков,

C. 160; Stoye J. Marsigli's Europe. The life and times of Luigi Ferdinando Marsigli, soldier and virtuoso. Yale, 1994.

⁶⁸ Герье В. И. Лейбниц и его век... С. 767.

⁶⁹ Там же. С. 766.

⁷⁰ Невская Н. И., Копелевич Ю. Х. На пути к созданию Академии наук // Летопись Российской Академии наук. Т. I. СПб., 2000–2007. С. 15–30. См. с. 16.

⁷¹ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 36–37.

⁷² Стоскова Н. Н. Первые металлургические заводы России. М., 1962. С. 97–99; Афремов И. Ф. Тульский оружейный завод // Приокские зори. 2009. № 2 (15). С. 6–22. См. с. 6.

молотобойцев, оружейников и других специалистов в количестве до 600 человек. Однако, как сказано в документах того времени, «стволы... мушкетные и карабинные и пистольные и латы и шишаки Андрей Виниус со товарищи заводили и делали и тех дел делать перестали и мастеровых людей за море отпустили». «А кованых пушек, – писал Марселиус в 1668 году, – сделать не мочно и не прочно и мастеровых таких людей нет»⁷³.

Вообще, большая часть крупных металлургических предприятий была основана иностранными купцами, владевшими капиталами, как правило приобретенными в сфере торговли, или мастерами-иноземцами, приглашенными русским правительством работать в России. В XVII веке было основано 27 металлургических мануфактур, из которых до конца столетия сохранилось 23. Владельцами 20 предприятий были иностранцы⁷⁴. Фактически, они получали на определенный срок (10, 15, 20 лет) монополию на производство изделий, право на беспощинную закупку сырья и продажу товаров. Без разрешения царя владелец завода не мог ни продать его, ни передать во владение другому лицу, даже своему наследнику. Более того, регламентировались размеры производства, число мастеров и продажа изделий. В таких условиях предпринимателям работать было крайне невыгодно, построив заводы «своими деньгами», они, как правило, «одолжали великими долгами» и вынуждены были или ликвидировать производство, либо обращаться за помощью к государству. В итоге созданные предприятия не могли нормально развиваться, а их владельцы-иностранцы не были заинтересованы в обучении русских мастеров⁷⁵. В России не было качественного железа для производства мушкетов, а единственным поставщиком такого железа была Швеция⁷⁶. Аналогично обстояли дела и с медью для легких полковых пушек⁷⁷. Но дело не только в этом.

Думаю, если бы Лейбница кто-то начал убеждать, сколь блестяще обстоят дела в России «в отношении использования практических достижений европейской науки», он, вежливо и с интересом выслушав собеседника, ответил бы ему примерно следующее: «Это все замечательно и, бесспорно, содействует процветанию обширного государства его царского Величества. Но ежели бы притом Его Величество задумал истинные науки не токмо в области ему подвластные перенести, но и озаботиться дальнейшим сих наук и художеств возделыванием, то не почту за дерзость предположить, что русским людям во времена не столь отдаленные не токмо надлежит в применении иноземных плодов научных известную резвость выказывать, но скорее удивлять Европу произведениями искусства от приращения наук обретенными», тогда как автономного социального пространства для науки в России не было, ибо общество аграрное, инноваций мало и житейский опыт важнее творчества.

Когда Лейбниц, человек, лишенный антропологического высокомерия, говорил о России как о *tabula rasa*, он имел в виду не успехи русских в освоении западноевропейских практических рецептов и приемов (даже с известными усовершенствованиями⁷⁸), а отсутствие

⁷³ Крепостная мануфактура в России. Ч. 1: Тульские и каширские железные заводы. Л., 1930–1931. С. 14, 370.

⁷⁴ В течение второй половины XVII века жалованные грамоты на устройство и владение заводами получили: А. Виниус (1632), Е. Койет (1634), П. Г. Марселлис и Ф. Акема (1644, 1647), И. фон Сведен (1668), Ф. Акема (1664), П. Г. Марселлис (1664), П. П. Марселлис (1674), З. Паульсен (1681), И. Тауберт (1683), А. Бутенант, Х. Марселлис (1685), А. Меллер (1695).

⁷⁵ Подр. см.: Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР. Т. I. М., 1954. С. 61, 101–108, 118, 209. В 1647 году русские мастера на опросе утверждали: «А русских де людей мастеравые немецкие люди ремеслу никакому не учили, а которые де русские люди у них иноземцов, видя какое ремесло, и станет учитьца, и немецкие де мастеравые люди за то бивали и от тех дел от себя прочь отбивали» (Крепостная мануфактура в России... Ч. 1. С. 16).

⁷⁶ Нефедов С. А. Петр I: блеск и нищета модернизации... С. 56.

⁷⁷ В 1630-х годах, после открытия залежей медных руд в районе Соликамска, построили Пыскорский медеплавильный завод. Однако к началу 1650-х годов запасы руды истощились, поэтому в 1657 году завод был остановлен и заброшен. В середине 1660-х годов по той же причине прекратил работу медеплавильный завод в Казани.

⁷⁸ К примеру, С. Г. Струмилин отметил, что «в отсталой России на целый век раньше (т. е. в середине XVII столетия. – И. Д.) были построены домны, которые при высоте в 7,5 м выдавали не менее 100–120 пуд. чугуна в сутки (т. е. втрое больше английских в XVIII веке. – И. Д.). Из этого ясно, что, даже заимствуя достижения Запада, наши предки не ограничивались слепым ему подражанием, а, сознательно приспособляя их к русским условиям, совершенствовали эти достижения. В частно-

научно-технической культуры (т. е. отсутствие понимания когнитивной и практической ценности науки и научного образования в умах и исследовательских центрах, инфраструктуры, средств коммуникации и т. п. «в натуре»), притом что в целом Россия представляла (как ему казалось) «бесформенный мир неограниченных возможностей»⁷⁹. В Лейбнице говорил рационализм Просвещения, а вовсе не интерес к своеобразию России.

Возьмем, например, вопрос об уровне грамотности российского населения накануне Петровских реформ. Мнения на этот счет высказываются разные. Так, в монографии А. М. Панченко читаем: «Даже если не брать в расчет гибель книг от войн, пожаров и т. п., все-таки книжное наследие Древней Руси поражает своей огромностью. Это действительно колоссальное наследие. Размышляя о нем, мы наталкиваемся на следующий парадокс: книг много, а больших личных библиотек мало. ... По европоцентристскому разумению разгадка парадокса напрашивается сама собою: покуда старозаветная Русь „шествовала во тме“, там было мало грамотных, мало читателей. Кто и для какой надобности собирал бы большие библиотеки?.. Но это банальное объяснение не выдерживает критики. У нас есть достоверные и достаточные статистические данные о грамотности мужского населения Москвы в середине XVII в. Когда составлялись переписные книги, хозяин каждого двора в них расписывался, за неграмотного „прилагал руку“ сосед. Оказывается, белое духовенство было почти поголовно грамотным, черное духовенство – на три четверти. Среди купечества насчитывалось от 75 до 96 грамотных на сто душ мужского пола. В дворянском сословии картина примерно та же, что и в монашеском. Что касается посадских мужиков, то здесь грамотных было от 23 до 52 процентов»⁸⁰.

Под «достоверными и достаточными статистическими данными» А. М. Панченко имел в виду цифры, приведенные в речи А. И. Соболевского, прочитанной в 1892 году. А. И. Соболевский опирался на комплекс подписей монастырских крестьян и аналогичные документы (неграмотные ставили крест или за них расписывался кто-то другой) и пришел к выводу, что грамотность крестьян была не ниже 15 %, торгово-ремесленных жителей городов – 20–43 % и не ниже 20 %, землевладельцев – 55–80 %, придворных – 78 %, белого духовенства – 100 %, черного духовенства (монахов) – 70 %. Причем к концу XVII века грамотность торгово-ремесленного населения возросла⁸¹. Близкие цифры дают другие авторы, по подсчетам которых на частных актах в XVI веке расписывалось 60–80 % свидетелей⁸².

Американский историк Г. Маркер показал, что материал, привлеченный А. И. Соболевским, недостаточен и его использование приводит к завышению показателей грамотности. Согласно Г. Маркеру, «по наиболее оптимистичному варианту уровень грамотности сельского населения в России в конце XVIII в. не превышал 10 % отметки. Однако более справедливо говорить о существовании 3–5 % уровня зачаточной грамотности, характеризуемой отрывочными знаниями о чтении и письме, а более-менее стабильным навыком чтения и письма обладали лишь 1–2 % от общей численности населения»⁸³.

Критически к данным А. И. Соболевского отнесся также Б. Н. Миронов, который отметил, что «статистика подписей не дает устойчивых и точных данных об уровне грамотности, потому что результат в существенной мере зависит от того, на каких документах учитываются подписи. Кроме того, статистика подписей имеет тенденцию завышать уровень грамотности,

сти, у нас было гораздо больше дешевого леса, чем в Нидерландах, и, построив более высокие печи, мы сразу же и превзошли те исходные образцы, от которых отправлялись» (*Струмилин С. Г. История черной металлургии...* С. 104–105). По поводу этих восторгов, разумеется, есть что возразить, но я оставляю приведенную цитату без комментариев.

⁷⁹ Benz E. Leibniz und Peter der Große... S. 13.

⁸⁰ Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 216.

⁸¹ Соболевский А. И. Образованность в Московской Руси. Речь, читанная на годовичном акте императорского Санкт-Петербургского университета 8 февраля 1892 г. СПб., 1892. С. 3–13.

⁸² Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1989. С. 45–46.

⁸³ Marker G. Literacy and Literary Texts in Muscovy: A Reconsideration // *Slavic Review*, 1990. Vol. 41. № 1. P. 74 – 89.

поскольку в свидетели старались приглашать именно грамотных людей и только при их отсутствии привлекали неграмотных. Поэтому из всех имеющихся в нашем распоряжении данных о грамотности наибольшего доверия заслуживают либо те, которые получены в ходе поголовного допроса свидетелей во время судебного следствия, либо те данные, которые основаны на списках грамотных людей. Отсюда можно заключить, что грамотность мужского взрослого городского населения в последней четверти XVII в. не превышала 13 %, мужского взрослого сельского населения 2–4 % (данные о грамотности горожан относятся к Москве, где ее уровень был выше, чем в центре страны)⁸⁴. К этому можно добавить, что в Москве, насчитывавшей к концу XVII столетия около 200 тысяч жителей, было только две типографии – Печатный двор (государственная типография) и частная, так называемая «Верхняя» типография Симеона Полоцкого, основанная в обход патриарха в конце 1670-х годов, тогда как в Польше в начале XVI века функционировало только в Кракове свыше 20 типографий⁸⁵.

Но дело не только в уровне даже так называемой технической грамотности (умения читать), но и в ее «качестве». На традиционной грамотности (даже если бы она была распространена так, как полагали А. И. Соболевский и А. М. Панченко), неразрывно связанной с книгами «вечных истин», «нельзя было привить и развить европейское просвещение, ознакомить людей с кругом естественнонаучных представлений, основами математических и технических знаний»⁸⁶. И в этом смысле никакой самоуверенности в оценках российской социокультурной ситуации у Лейбница не было, он лишь зафиксировал простой факт: той грамотности, которая необходима для, как бы сейчас сказали, модернизации страны, в допетровской Руси практически не существовало, и малые европеизированные анклав типа московской Немецкой слободы только подтверждают приведенную оценку. (Поясню: в данном контексте термин «модернизация» – или, если в качестве эталона выступают передовые страны Западной Европы, «европеизация»⁸⁷ – представляет собой более благозвучный для чутких душ субститут термина «догоняющее развитие».) Другое дело, что Лейбниц (возможно, учитывая утилитаристские настроения русского самодержца) на первое место в своих записках ставил практическую пользу наук.

Не следует забывать, что немецкий философ в разные периоды своей жизни относился к России по-разному. К примеру, в записке 1669 года *Specimen demonstrationum politicarum pro eligendo rege Polonorum* («Пример политических доводов, касательно выборов Польского короля»⁸⁸) он, сопоставляя четырех претендентов на польскую корону, среди которых числился и наследник российского престола царевич Алексей Алексеевич (1654–1670), второй сын царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны Милославской, отмечал, что крупным недостатком русского претендента является привычка «к деспотическому управлению и абсолютной власти» (*despotico regimini seu absolutae potestati assuetus*)⁸⁹, а потому «ни один христианский государь, конечно, не будет рекомендовать москвича, так как его вероломство, варварство, тирания известны. Даже Великий Понтифик знает, что надо избегать его

⁸⁴ Миронов Б. Н. Развитие грамотности в России и СССР за тысячу лет. X – XX вв. // *Studia Humanistica*, 1996. СПб., 1996. С. 24–46. См. с. 26–27.

⁸⁵ Колобкова Л. В. Польское печатное слово в Кёнигсберге XVI века // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Серия: филологические науки. 2007. № 6. С. 14–19. См. с. 14.

⁸⁶ Кузнецова Н. И. Социальный эксперимент Петра I и формирование науки в России // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 49–60. См. с. 50.

⁸⁷ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. М., 1999. С. 155.

⁸⁸ Leibniz G. W. *Specimen demonstrationum politicarum pro eligendo rege Polonorum* // Leibniz G. W. *Sämtliche Schriften und Briefe. Vierte Reihe: Politische*. Bd. I: 1667–1676. Berlin, 1983. S. 3–98. Подр. см.: Поте Г. Лейбниц и возникновение европейских образов России // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб., 2010. С. 77–95 (в данном абзаце я использую материалы этой статьи).

⁸⁹ Leibniz G. W. *Specimen demonstrationum politicarum*... S. 34.

опасного коварства»⁹⁰. И далее по нарастающей: «Он не католик, а если станет им, то только ради власти. Ведь он отступник от греческой веры, отколовшийся от самих греческих схизматиков. Он неразумен и неопытен, он мальчик. Он не кажется терпеливым и осторожным, но варварского происхождения, нравов и воспитания. Полагая устройство королевства нелепым, он привык исключительно к деспотическому правлению с раннего детства, и врожденные нравы его едва ли исправятся. Далее, известно варварство этого народа, известна его надменность, как они болтают вздор о великих титулах, как гремят напыщенным, почти испанским чванством... Неумолимая жестокость к подданным, невыносимый произвол по отношению к побежденным. Недаром [говорил] еще Лукан: „И свирепые соседи сарматов Московиты“. Он враждебнейшим образом настроен к христианскому миру. Отсюда и отговаривание Папы Римского и духовенства, а также законы Германской империи и данные ганзейским городам распоряжения не поставлять московитским варварам военное снаряжение»⁹¹. Заметим, эти, мягко говоря, не вполне отвечающие действительности слова сказаны и вправду про мальчика (царевичу в то время было 15 лет), который между прочим учился у Симеона Полоцкого латинскому и польскому языкам (причем польские послы отмечали его хорошее владение ими), славянской грамматике, арифметике и философии и книги для которого выписывались из-за границы. Но Лейбницу все это было неинтересно, он решал политическую задачу, и все, что им было сказано плохого о царевиче, фактически относилось к русским правителям вообще. Да, впоследствии его мнение о России изменилось, однако рецидивы прежнего отношения (отчасти стимулированные его общением с российской бюрократией) случались и в последнее десятилетие его жизни. В эти годы Лейбниц смог на своем личном опыте убедиться, что его интерес к России (да, весьма специфический, ибо то был интерес внешнего наблюдателя) постоянно наталкивался на полное равнодушие к познанию собственной страны со стороны русских. Он, к примеру, много лет добивался, чтобы ему прислали образцы текстов на языках народов, населявших Россию (поскольку его волновал вопрос о происхождении этносов). Но, как выяснилось, даже получить перевод «Отче наш» на несколько языков народов России и «список самых обыкновенных слов» оказалось практически невозможным, потому как дело это нелегкое и могло быть исполнено только по приказанию царя. Лейбниц решил тогда обратиться к немецкому посланнику в Петербурге, но тот ему доходчиво объяснил, что «московский народ совершенно неспособен к изысканию подобных диковинок, ибо он не прилагает ни малейшего труда ни к чему, что не пахнет деньгами или не представляет прямой пользы»⁹².

Говоря о российских проектах немецкого философа, следует иметь в виду еще одно обстоятельство. Хотя Лейбниц и Петр часто употребляли одни и те же термины (академия, коллегия, социетет, наука и т. п.) и даже фразы, смыслы, которые каждый из них вкладывал в используемую терминологию, не вполне совпадали.

Лейбниц, хотя и акцентировал практическую сторону дела, все же имел при этом в виду начальный этап приобщения России к западной науке и образованию, предполагая, что в дальнейшем в стране появятся свои научные кадры, которые будут проводить не только прикладные, но и фундаментальные исследования (т. е. заниматься «чистой наукой»).

Что же касается Петра, то его политика во многих областях, в том числе в области науки и образования, отличалась, как удачно выразился В. М. Живов, «сознательной и далеко идущей двусмысленностью»⁹³, в силу чего о Петровских реформах спорят как об улыбке Джоконды – долго и без проблесков хотя бы хрупкого консенсуса. Далее я остановлюсь на характере петровского отношения к науке и образованию детальнее, а пока отмечу только, что академи-

⁹⁰ Ibid. S. 41–42.

⁹¹ Ibid. S. 85–86.

⁹² Герье В. И. Лейбниц и его век... С. 581.

⁹³ Живов В. М. Вопрос о церковной юрисдикции в российско-украинских отношениях XVII – начала XVIII века // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 344–363. См. с. 354.

ческий проект Петра – это имиджевый внешнеполитический проект *par excellence*. Вне этого царь и его помощники ценили науку только по ее утилитарному значению. «Невежество поражается практическими успехами знания, – писал Г. Г. Шпет, – полуобразованность восхваляет науку за ее практические достижения и пропагандирует ее как слугу жизни и человека»⁹⁴.

Идея Петра состояла в следующем: «От них (т. е. от приглашенных ученых. – И. Д.) должны быть писаны книги во всех науках, которые я хочу на российском языке иметь переведенными; сие должны переводить те юноши, которые к тому будут выбраны и им отданы научиться уразуметь, а после сами обучать тем наукам и быть учителями оных. Посредством других трудов, которые они от своих наук и новых открытий на латинском языке писать и в тиснение отдавать будут, должны они нам приобрести в Европе честь и доверенность... и больше не можем быть почитаемы презрения достойными варварами»⁹⁵. И тогда должны и подданные мои в коллегиях, канцеляриях, конторах и других судебных местах, где требуются науки, обратиться к Академии и получить от нее совет»⁹⁶.

Итак, Петр ясно сформулировал две главные цели своего академического проекта: 1) обрести «честь и доверенность» в Европе (т. е. показать иностранцам, что россияне – не варвары)⁹⁷ и 2) сформировать учреждение для экспертизы особо важных для государства начинаний в сфере ремесел, художеств, строительства и т. п. Средство для реализации указанных целей: академический университет и гимназия при нем, где академики-иностранцы будут учить «природных русских». Поэтому контракт с приглашенными зарубежными учеными предусматривал для них три обязанности: 1) вести научные исследования; 2) обучать российских юношей; 3) проводить экспертные работы по конкретным поводам.

У Лейбница (см. приведенную выше его записку 1708 года) наоборот: конечная цель проекта – общее «благо и усовершенствование людей» и «прославление Господа... нелицемерной добродетелью и познанием истины»; промежуточная цель – «вселить» в людей, в первую очередь в юношество, «охоту к науке», для чего формировать, как бы мы сегодня сказали, научную культуру, восприятие научного познания как ценности, а затем уже, когда будет сформировано образованное, просвещенное ядро нации, появятся предпосылки для процветания наук и художеств. А что касается «славы», «честь» и т. п. – это все приложится. И потому Лейбниц строго разделял образовательную функцию университетов и научно-исследовательскую функцию Академии наук.

Ввиду сказанного выше я никак не могу согласиться с утверждением акад. В. Е. Захарова, что «Лейбниц и должен считаться духовным отцом нашей академии»⁹⁸. Нет, «духовным отцом»

⁹⁴ Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии // Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989. С. 11–344. См. с. 32.

⁹⁵ Замечу, что, мотивируя в 1700 году требование брить бороды и носить немецкой моды кафтаны, Петр указывал на сходные причины: «к славе и красоте правления» (Мельгунов С. П. Религиозно-общественные движения XVII–XVIII вв. в России. М., 1922. С. 104). – И. Д.

⁹⁶ Штелин Я. Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом, слышанные из уст знаменитых Особ в Москве и Санктпетербурге, и извлеченные из забвения Яковом фон Штелиным; Ныне же вновь переведенные с Немецкаго на Российской язык; с прибавлением многих других на российском языке не изданных Анекдотов; с присовокуплением гравированных фигур. Ч. 2. М., 1793. С. 173–174.

⁹⁷ В письме Блюментроста Якову Герману от 27 декабря 1723 года цели создания Академии сформулированы еще более непритязательно: «До Вашего слуха, очевидно, дошло, что его имп. величество решил здесь основать Академию для взращения художеств и наук и особо еще для своего собственного удовольствия...» (цит. по: Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской Академии наук... С. 67).

⁹⁸ Захаров В. Е. Академия наук и Россия... С. 3. Представления об истории науки, в частности российской, присущие нашему научному и околонуучному истеблишменту, – это тема отдельного увлекательного исследования. Примером может служить глупейшая в историческом отношении, но совершенно уместная в затейливой игре амбиций и интересов идея, высказанная в статье трех авторов (Гуриев С., Ливанов Д., Северинов К. Шесть мифов Академии наук // Эксперт. 2009. № 48 (685). С. 12–14), будто «по сути Петербургская академия была не „министерством науки“, а „клубом ученых“» (С. 12). Эта замечательная идея была детально проанализирована в статье: Чернюзуб С. П. Лейбниц об Академии наук в России: Забыть? Игнорировать? Осознать? // Общественные науки и современность. 2016. № 5. С. 104–114.

нашей академии он, увы, не стал (и, по обстоятельствам эпохи и места, стать таковым не мог), только крестным.

«Великий Петр к нам ввел науки»⁹⁹

Предложения относительно того, как «насаждать науки» в России, исходили не только от Лейбница. Как заметил М. М. Богословский, вокруг Петра I «жужжала целая толпа политических прожектеров, представлявших ему различные „пропозиции“, „изъявления“, „доношения“, „мемориалы“, содержавшие самые разнообразные реформационные планы»¹⁰⁰. Среди них были и весьма дельные люди. Так, 11 июня 1718 года советник Камер-коллегии Генрих фон Фик (Heinrich von Fick; 1679–1750 или 1751)¹⁰¹ представил царю «мемориал» о воспитании и образовании российского юношества: «О нетрудном воспитании и обучении российских младых детей, чтобы оных в малое время в такое совершенство поставить, дабы Ваше Величество все гражданские и воинские чины в коллегиях, губерниях, судах, канцеляриях и магистратах и прочая своими природными подданными наполнить, також и собственной своей земли из детей искусных купеческих людей, художников, ремесленников, инженеров и матросов получить могли». Резолюция Петра: «Зделать академию. А ныне приискать из русских, хто учен и к тому склонность имеет. Также начать переводить книги: юриспруденцию и прочим к тому. Сие учинить сего году начала»¹⁰².

Во многих документах Петровской эпохи, касающихся «насаждения просвещения», поражает легкость мысли необыкновенная. Авторам «прожектов» казалось, что можно просветить народ одним махом, легко и просто: полицейскими мерами, в кратчайшие сроки и без затрат. Во всех просветительских затеях вырисовывается одна и та же последовательность действий: сначала предлагалось «велеть во всех губерниях учинить...» (ну, скажем, по академии, а то и по две, отдав под них несколько монастырей, из коих предварительно следовало «вывести чернцов»), затем в учиненное заведение «велеть набрать» (иностранцев, а также детей дворянских, купеческих и всяких иных чинов), – разумеется, попутно предусматривалось «учинение штрафа» для тех, кто не захочет отдавать шестилетнего ребенка в российские просветительские круги ада, – далее предлагалось «велеть» что-нибудь еще сделать (скажем, учредить широкую программу обучения – от языков, наук и философии до фехтования и танцев и т. п.). И дело пойдет, лет эдак через 10–15 сравняемся с Европой. Но это только первый акт образовательной утопии.

Ее второй акт посвящен финансовой проблеме. В принципе никакой проблемы-то и нет, поскольку в России вопросы «Где взять деньги?» и «Кого ограбить?» – это не два разных вопроса, но один и тот же (как видно на примере «чернцов»). Но чаще властям и властями предлагался еще более простой путь, описанный с неповторимой афористической силой тогдашнего канцелярита, где стержневыми выражениями были: «надлежащее иметь попечение», «стараться, чтобы...», «не пренебрегать», но «вспоможение чинить» и – наконец является призрак сути – «что до содержания... о том во всех городах магистратам самим иметь старания»¹⁰³.

Около 1720 года о планах создать Академию Петру напомнил его лейб-медик, уроженец Немецкой слободы, выпускник университета в Галле и доктор Лейденского университета Лав-

⁹⁹ Державин Г. Р. На выздоровление мецената // Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 94–96. См. с. 96.

¹⁰⁰ Богословский М. М. Российский XVIII век. Кн. 1. М., 2008–2010. С. 32–33.

¹⁰¹ См. о нем: Прокопенко Я. И. «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.). СПб., 2013. С. 323–337.

¹⁰² Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: 1649–1825. В 45 т. Т. 5: 1713–1719. СПб., 1830. № 3208. С. 573–574. Под академией здесь разумеется учебное заведение, притом – среднее.

¹⁰³ В приведенном абзаце я цитировал педагогический проект Ф. С. Салтыкова (?–1715), описанный в книге: Кантеев П. Ф. История русской педагогики. Пг., 1915. Глава VII (URL: http://www.portal-slovo.ru/pedagogy/38234.php?ELEMENT_ID=38234&PAGEN_1=3).

рентий Блюментрост (Laurentius Blumentrost; 1692–1755). Последний представил царю проект, в который Петр внес свои поправки.

Между последней встречей с Лейбницем в Пирмонте и подачей проекта Блюментроста произошел ряд событий, повлиявших на просветительские планы Петра. Прежде всего следует отметить поездку царя по ряду стран Европы в 1716–1717 годах. В Голландии были куплены анатомическая и зоологическая коллекции препаратов известного анатома Ф. Рюйша (Frederik Ruysch; 1638–1731), у которого Петр во время Великого посольства учился анатомии. В Париже царь посетил Арсенал, осмотрел парк и «аптекарский огород», шпалерную мануфактуру, гобеленовую фабрику, анатомический театр, обсерваторию, Монетный двор, а главное (в контексте моей темы) – он побывал в Сорбонне, Коллеже четырех наций (Коллеж Мазарини), Королевской библиотеке и Парижской академии наук, где ему показали машину для подъема воды, домкрат А. Далема и другие технические изобретения. Надо сказать, что в Парижской академии велись как фундаментальные, так и прикладные исследования, но Петру демонстрировали преимущественно технические новинки, тонко уловив пристрастия российского монарха. Как писал по этому поводу Б. Фонтенель (Bernard le Bovier de Fontenelle; 1657–1757), «когда царь оказал Академии честь своим присутствием, она хвасталась всем тем, что имела наиболее подходящего, что могло бы броситься в глаза этому монарху»¹⁰⁴.

Опуская многие детали этого визита¹⁰⁵, отмечу только, что Петр летом 1717 года получил возможность детально ознакомиться с работой Парижской академии наук, ее традициями, а также побеседовать со многими французскими учеными. По мнению А. И. Андреева, именно посещение Петром Академии и беседы с учеными стали одним из решающих факторов, побудивших русского царя учредить в Петербурге Академию наук¹⁰⁶. Тем более что в 1710-х и самом начале 1720-х годов была проделана большая работа, подготовившая создание Академии. В частности, в 1718 году началось строительство Кунсткамеры, одного из красивейших зданий петровского барокко, которое должно было стать своего рода «дворцом науки». В нем планировалось разместить Музей, Библиотеку, Анатомический театр и Астрономическую обсерваторию. Заметим – подобных дворцов в Западной Европе тогда не было, что Петр, создавая имидж новой России, по-видимому, учитывал. Действительно, Лондонское королевское общество первоначально собиралось в Грэшем-колледже, затем, после *Great Fire* (сентябрь 1666), с 1667 по 1673 год, в Arundel House, резиденции Генри Ховарда (Henry Howard, 6th Duke of Norfolk; 1628–1684), потом снова в Грэшем-колледже (до 1710), а затем, после безрезультатного обращения к королеве Анне, приобрело в собственность здание (Crane Court) на Fleet Street¹⁰⁷. Парижская академия наук заседала в Лувре, и только Обсерватория помещалась в отдельном, специально для нее построенном здании. Научному же обществу в Берлине вообще достались перестроенные королевские конюшни.

¹⁰⁴ Цит. по: Невская Н. И., Копелевич Ю. Х. На пути к созданию Академии наук... С. 19.

¹⁰⁵ Там же. С. 18–21.

¹⁰⁶ Андреев А. И. Основание Академии наук в Петербурге // Петр Великий: Сборник статей. Вып. 1. М.; Л., 1947. С. 284–333. См. с. 289.

¹⁰⁷ Martin D. C. Former Homes of the Royal Society // Notes and Records of the Royal Society of London, 1967. Vol. 22. № 1/2. P. 12–19.

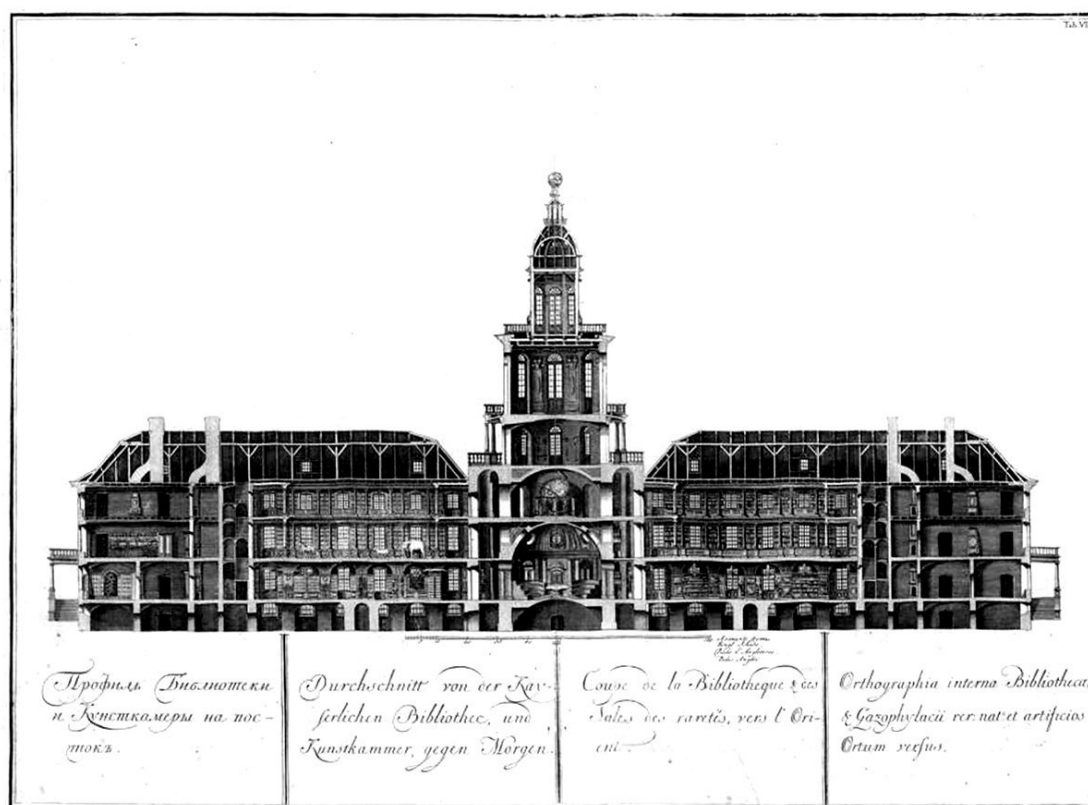

Рис. 2. Здание Академии наук и художеств в разрезе. Гравюра резцом Г. А. Качалова. Из альбома: Палаты Санктпетербургской Императорской Академии Наук Библиотеки и Кунсткамеры, которых представлены планы, фасады и профили, приписанные ей императорскому высочеству государыне великой княгине и правительнице всея России. [*Gebäude der K. Akademie der Wissenschaften nebst der Bibliothec und Kunst-Cammer in St.-Petersburg nach ihrem Grundriss, Aufriss und Durchschnitt vorgestellt*]. СПб.: Печ. при Имп. Акад. Наук, 1741. (s/p). Табл. VII

Впрочем, касательно ситуации в Берлине следует сделать пояснение. Указ о создании там академии и обсерватории подписал в день своего рождения, 11 июля 1700 года, бранденбургский курфюрст Фридрих III. Активное участие в ее организации принял Лейбниц, который стал ее первым президентом. В момент основания академия получила название Курфюршеское Бранденбургское научное общество (Kurfürstlich-Brandenburgischen Societät der Wissenschaften). В следующем году Общество было переименовано в Королевское Прусское научное общество (Königlich Preußische Sozietät der Wissenschaften), поскольку курфюрст Фридрих III стал в этом году прусским королем Фридрихом I. В 1744 году при Фридрихе II Общество было реорганизовано в Королевскую Прусскую академию наук (Königlich-Preußische Akademie der Wissenschaften). Упомянутые выше конюшни на 200 лошадей были построены на улице Унтер-ден-Линден в 1687–1688 годах по проекту архитектора Иоганна Арнольда Неринга (Johann Arnold Nering; 1659–1695). В 1696–1700 годах по проекту архитектора Мартина Грюнберга (Martin Grünberg; 1655–1706) здание было расширено почти в два раза для размещения в нем научного Общества. В 1700–1711 годах в северном крыле этого здания была сооружена 27-метровая башня с тремя дополнительными этажами. В ней в январе 1711 года состоялось официальное открытие Обсерватории. Таким образом, в Берлине, как и в Петербурге, научное учреждение располагалось поначалу в одном здании с обсерваторией, библиотекой и кунсткамерой.

Рис. 3. Королевские конюшни и Обсерватория на Доротеенштрассе в Берлине. Акварельный рисунок Л. Л. Мюллера (Leopold Ludwig Müller; 1768–1839) (1824) / Kupferstichkabinett, SMB / Dietmar Katz

И еще одно важное обстоятельство. В 1714 году, когда Петр I повелел перевезти *натуралии* и *артифициалии* из московской Аптекарской канцелярии в Санкт-Петербург, он поручил немецкому архитектору Андреасу Шлютеру (Andreas Schlüter; 1660–1714), перешедшему в 1713 году на русскую службу, спроектировать в Летнем дворце специальную комнату для этих коллекций. До приезда в Петербург Шлютер участвовал в завершении реконструкции упомя-

нутого выше берлинского здания, в котором размещались кунсткамера, библиотека, обсерватория и научное Общество. Петр I несколько раз посещал Берлин и это здание, был знаком с работами Шлютера и мог обсуждать с ним планы строительства петербургской Кунсткамеры. По мнению И. Э. Грабаря, Георг Иоганн Маттарнови (Georg Johann Mattarnovi; ?–1719), который работал под руководством Шлютера, после смерти последнего использовал его чертежи для постройки Кунсткамеры¹⁰⁸.

Л. Блюментрост и его помощник, эльзасец Иоганн Даниил Шумахер (Johann Daniel Schumacher; 1690–1761) вели интенсивную переписку с европейскими учеными по поводу организации Академии. Блюментрост советовал Петру пригласить специалистов по астрономии, географии, анатомии, ботанике, натуральной истории и химии. На вопрос Петра – сколько еще понадобится людей, чтобы «составить Академию», – лейб-медик царя ответил, что нужны еще 4–5 человек¹⁰⁹. После этого Петр предложил ему разработать проект будущей Академии.

Большую роль в создании Академии сыграл И. Д. Шумахер. Как правило, историки, да и многие современники, говорили о нем мало хорошего. Однако представлять его деятельность исключительно в черно-белых тонах было бы чрезмерным упрощением.

Шумахер родился в эльзасском городке Кольмар и получил образование в Страсбургском университете, где с 1707 года изучал *die schöne Wissenschaften*, т. е. словесность. Тем не менее основное внимание в годы учебы он уделял юриспруденции и богословию. Да, в душе он чувствовал себя поэтом, но на этом много не зарабатывает. В 1711 году Шумахер успешно защищает магистерскую диссертацию на тему «О Боге, мире и душе» (*De Deo, mundo et anima*). Но вскоре начались неприятности: ему приписали авторство вольнодумных стихов, и молодой человек поспешил перебраться в Париж, где в 1714 году познакомился с П. Лефорттом, который пригласил его на русскую службу. В сентябре того же года Шумахер прибыл в Петербург и был определен секретарем медицинской канцелярии по иностранной переписке, а также ему поручили заведовать книжным собранием и кабинетом редкостей. Работал Шумахер под началом лейб-медика Петра, доктора медицины и философии Оксфордского университета, шотландца Роберта Карловича Арескина (Эрскина) (Robert Erskine; 1674–1719). Молодой человек очень старался, заботился о библиотеке, кабинете и даже о попугае своего начальника – короче, стал для Арескина незаменимым помощником. Через некоторое время после смерти Арескина Шумахер решил, что его карьера в Петербурге закончена и пора собираться домой, но тут его заметил Петр I и уговорил остаться в России. Интересны мотивы, коими руководствовался царь, убеждая Шумахера продолжить службу. Последний упомянул о них в своих воспоминаниях: «После смерти Арескина в 1719 году, просил я абшита, но г. Блюментрост... который тогда определен был на место доктора Арескина первым лейб-медиком и директором библиотеки и Кунсткамеры Его Величества, не хотел меня отпустить, либо по тому приятству, которое ко мне имел, либо для знания моего обо всем, что в библиотеке и Кунсткамере находилось, или больше для того, что секрет о сохранении анатомических препаратов, который государь император Петр Великий у доктора Рюйша вместе с его анатомическим кабинетом купил, в моих руках бывал, и того ради предложил мне весьма полезные кондиции для удержания меня в службе его Императорского Величества»¹¹⁰.

¹⁰⁸ Грабарь И. Петербургская архитектура в XVIII и XIX веках. СПб., 1994. С. 57, 59. См. также: Калязина Н. В. К истории здания Петровской Кунсткамеры // Петр и Голландия: русско-голландские научные и культурные связи в эпоху Петра Великого. СПб., 1997. С. 58–65. Строительство Кунсткамеры началось в 1718 году на участке, определенном Петром I, для чего предварительно снесли стоявшие там мельницы.

¹⁰⁹ Разговор этот, по версии Н. И. Невской и Ю. Х. Копелевич (Невская Н. И., Копелевич Ю. Х. На пути к созданию Академии наук... С. 22), состоялся в 1718 году, по мнению же А. И. Андреева, который следовал автобиографии Шумахера, – в 1723 (Андреев А. И. Основание Академии наук в Петербурге... С. 304).

¹¹⁰ Цит. по: Пекарский П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. I. СПб., 1870–1873. С. 18.

В феврале 1721 года Шумахер по распоряжению Петра был отправлен во Францию, в «немецкие земли», Голландию и Англию, главным образом, с целью «сыскать ученых людей»¹¹¹, для «сочинения социетета наук, подобно как в Париже, Лондоне, Берлине и прочих местах»¹¹², а также «чтоб основать как публичные, так и частных людей библиотеки и кунсткамеры, для которой его величество приказал особливые и изрядные палаты на Васильевском острове построить»¹¹³. А заодно Петр «соизволил из своих рук пожаловать» Шумахеру невесту – старшую дочь своего обер-кухенмейстера¹¹⁴, что, разумеется, свидетельствовало о широте царских замыслов.

В целом поездка Шумахера оказалась успешной¹¹⁵, в частности, ему удалось уговорить переехать в Россию Ж.-Н. Делиля (Joseph-Nicolas De L'Isle; 1688–1768), завязать полезные контакты с немецким историком Иоганном Буркхардтом Менке (Johann Burckhardt Mencke; 1674–1732)¹¹⁶, известнейшим врачом и химиком Германом Бургава (Herman Boerhaave; 1668–1738) из Лейдена и др. Поэтому, когда Петр в начале 1723 года вернулся из Персидского похода, Шумахер мог доложить императору: «Начало уже сделано, и токмо в Вашего Величества воле и указе состоит, чтобы далее производилось, с пользою и весельем скончалось»¹¹⁷.

Особо следует остановиться на переписке Блюментроста и Шумахера с известным немецким натурфилософом Христианом Вольфом (Christian Freiherr von Wolff; 1679–1754)¹¹⁸. Вольф был профессором в Галле и пользовался всеевропейской известностью, его называли «*Magister Germaniae*». Надо сказать, что Вольфа и Петра объединяла известная общность политических взглядов: обоим пришлась по душе идея регулярного государства, согласно которой государство, в целях достижения «всеобщего блага», должно «регламентировать все стороны жизни граждан: принуждать их к работе, регулировать заработную плату, условия труда, цену товаров, поддерживать правопорядок и нравственность, поощрять образование, науки, искусства и т. д.»¹¹⁹. Разумеется, у Петра I – в силу как необузданного темперамента, так и властных ресурсов – были возможности пойти в своем элитизме много дальше, чем это мыслилось Вольфу, и Академия наук замышлялась и создавалась именно в русле идеи всеобъемлющего государственного регулирования.

В декабре 1720 года Петр лично написал Вольфу, которого ему в свое время рекомендовал Лейбниц, о намерении создать Академию наук, а при ней учебное заведение (университет) и пригласил немецкого профессора на русскую службу. Но Вольф не торопился покидать Галле. Между тем в Петербурге очень рассчитывали на его приезд.

10 июля 1722 года Шумахер, находясь за границей и имея царское поручение пригласить Вольфа в Россию, написал последнему, что «его величество имеет высокое намерение создать социетет ученых людей в Петербурге, в котором художества и науки должны они прилежно разрабатывать» и ему (Вольфу) в этом «социетете» предлагается должность вице-президента с жалованьем 2400 рублей (3200 рейхсталеров), что в 4 раза превышало его оклад

¹¹¹ Цит. по: Андреев А. И. Основание Академии наук в Петербурге... С. 298.

¹¹² Цит. по: Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской академии наук... С. 48.

¹¹³ Цит. по: Андреев А. И. Основание Академии наук в Петербурге... С. 298.

¹¹⁴ Там же. С. 298–299.

¹¹⁵ Подр. см.: Андреев А. И. Основание Академии наук в Петербурге... С. 298–304; Невская Н. И., Копелевич Ю. Х. На пути к созданию Академии наук... С. 22–23.

¹¹⁶ В работе Н. И. Невской и Ю. Х. Копелевич (На пути к созданию Академии наук. С. 23) в числе лиц, с которыми познакомился Шумахер и которые принимали потом живое участие в делах Академии, указан некий историк из Лейпцига «Ф. О. Менке». Непонятно, о ком идет речь: отцом И. Б. Менке был Отто Менке, друг Лейбница, основателя и издателя первого германского научного журнала – *Acta eruditorum*. Однако Менке-старший умер в 1707 году.

¹¹⁷ Цит. по: Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской Академии наук... С. 50.

¹¹⁸ Эта переписка, охватывающая 1719–1753 годы, была опубликована акад. А. А. Куником: *Wolff Chr. Briefe...* При цитировании я использовал кроме собственных также переводы А. И. Андреева, А. Ю. Андреева и Ю. Х. Копелевич.

¹¹⁹ Нефедов С. А. Петр I: блеск и нищета модернизации... С. 63.

в Галле¹²⁰. Более того, Шумахер писал, что «если затем – в чем я не сомневаюсь – будет учрежден и университет, и Вам будет угодно взять на себя ту же должность, которую Вы теперь занимаете (Вольф был проректором университета. – И. Д.), то Его Императорское Величество будет еще более рад»¹²¹. Наконец при личной встрече с Вольфом летом 1722 года Шумахер сообщил ему, что особое внимание Петр намеревается уделить физико-математическим наукам. Вольфу такой подход понравился, и он позднее (18 августа 1722 года) написал Шумахеру, что «Его Величество император Великой России... решил очень мудро, что для блага государства крайне необходимо развивать фундаментальные (*gründliche*) науки, в особенности математические и физические»¹²². Шумахеру казалось, что он уговорил Вольфа, но тот продолжал уклоняться от прямого ответа на вопрос о своем переезде в Россию, хотя в принципе такую возможность не отвергал.

В ходе переговоров и переписки, занявших почти четыре года, Вольф высказывал разнообразные опасения и требования, например: если будет учинена Академия, то он должен быть ее президентом, а если университет – то ректором. Он также просил, чтобы жалованье ему назначили 2 тысячи рублей в год, контракт заключили на пять лет и по истечении этого срока выплатили единовременно еще 20 тысяч рублей (сумма по тем временам громадная). «Это немного, – пояснил Вольф изумленному Блюментросту, – если принять во внимание, что король Альфонс пожаловал еврею Газану за составление альфонсовых астрономических таблиц¹²³; Александр Великий Аристотелю¹²⁴ – за сочинение *Historiae animalium* и покойный король Людовик Великий – Винцентию Вивиани¹²⁵, математику великого герцога флорентийского, за восстановление утраченной книги из высшей геометрии. ...Что же все сделанное этими людьми в сравнении с осуществлением исполинского замысла его императорского величества? Для того требуется муж опытный во всех философских и математических науках. В бозе почивший прусский король пожаловал Лейбницу гораздо более, нежели сколько я требую за то, что он заботился заочно о берлинской академии»¹²⁶. Позиция Вольфа предельно ясна: за реализацию исполинских замыслов надо платить квалифицированным исполнителям исполинские суммы. Блюментрост, собрав все запасы терпения и юмора, ответил, что если бы Петр своей щедростью и любовью к искусствам и наукам превосходил Александра Македонского, Альфонса и Людовика XIV, а Вольф своей ученостью – Аристотеля, Газана и Вивиани, «то и тогда эта сумма так велика, что надо еще выбрать удачный момент, чтобы только доложить об этом императору»¹²⁷.

Очевидно, Вольф не желал переходить на русскую службу. Даже когда в результате конфликта с пиетистами его в ноябре 1723 года изгнали из Пруссии, он предпочел отправиться в Марбург, а не в Петербург. Что же мешало Вольфу принять приглашение Петра, почему он в итоге предпочел, как он выразился, «заботиться о развитии наук в России из Германии»¹²⁸?

Если отбросить тривиальный ответ (Вольф был просто умным, трезво смотрящим на вещи человеком), то обычно ссылаются на его семейные обстоятельства (болезнь жены) и сооб-

¹²⁰ Wolff Chr. Briefe... S. 162–164.

¹²¹ Там же. S. 165 (цит. по: Андреев А. Ю. Российские университеты... С. 211).

¹²² Там же. S. 6.

¹²³ Речь идет о так называемых «Альфонсинах» («Альфонсовых таблицах»), созданных между 1252 и 1270 годами в Толедо под патронатом кастильского короля Альфонсо X Мудрого (Alfonso X el Sabio; 1221–1284) группой ученых, среди которых главную роль играли еврейские астрономы Исаак Бен Сид по прозвищу «Хаззан (H.azzan)» и Иегуда бен Моше. – И. Д.

¹²⁴ Вольф в посвящении Петру своего сочинения «Разумные мысли о действиях Природы» (Wolff Chr. von Vernünftige Gedancken von den Würckungen der Natur. Hallein Magdeburg, 1723; посвящение датировано мартом 1723 года) сравнил императора с этим античным героем, отведя тем самым себе скромную роль Аристотеля. – И. Д.

¹²⁵ Винченцо Вивиани (Vincenzo Viviani; 1622–1703) – итальянский физик и математик, ученик Галилея. – И. Д.

¹²⁶ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб., 1862. С. 38–39.

¹²⁷ Wolff Chr. Briefe... S. 182–183.

¹²⁸ Цит. по: Андреев А. Ю. Российские университеты... С. 211.

ражения престижа (он, философский кумир Европы, будучи вице-президентом Академии окажется в подчинении своего бывшего ученика, который на 17 лет его моложе!). Но, как верно заметил А. Ю. Андреев, фундаментальные причины решения Вольфа общаться с российскими властями только на безопасном расстоянии состояли в другом: «Прежде всего, Вольф не мог разобраться в сути того учреждения, которое создается в Петербурге, и, следовательно, не был в состоянии точно очертить круг своей будущей деятельности. Из переписки видно, что он не представлял себе соединения академии и университета в едином целом, но скорее, подобно Лейбницу, противопоставлял их... С другой стороны, понятно, что как раз университетская деятельность имела приоритетный характер для Вольфа, который и мыслил себя именно как университетский ученый. Неоднократно отмечалось, что его научные рассуждения рассчитаны на восприятие аудитории слушателей, что он сам был лектором-виртуозом, не представлявшим себя вне постоянного, живого общения со студентами, которое давали ему немецкие университеты, но, очевидно, не мог предоставить Петербург начала XVIII века (что верно, то верно, Петру нужны были не виртуозы слова, а виртуозы дела. – И. Д.). Шумахер, несомненно, это знал и именно поэтому, чтобы сделать переезд привлекательным, обещал Вольфу аналогичные возможности в России: возглавить новый университет, преподавать в нем те же предметы, что и в Галле, но – во вторую очередь, после основания Академии наук! Вольф же, наоборот, предлагал поменять эти события местами»¹²⁹. В письме Блюментросту от 26 июня 1723 года он высказался на этот счет вполне откровенно: «Я не могу также скрыть от Вас высказанное некоторыми лицами мнение, что, может быть, для страны было бы лучше вместо Академии наук открыть несколько университетов... Для такого предприятия скорее можно было бы найти людей. Ибо для этого можно найти ученых, которые еще не занимают таких должностей, но уже достаточно доказали, что достойны их занимать. А со временем они вырастут, и, наконец, можно будет достичь и второй цели». И далее проницательный Вольф, убежденный, что *ubi universitas, ibi Europa*, заметил, что Академия, если ее создать сейчас, больше будет рассчитана на *ad plausum exterorum* (буквально: на внешние аплодисменты, т. е. на престиж в глазах иностранцев) и может получиться как с Берлинской академией: «...имя ее в мире известно, но более никто от нее ничего не видит»¹³⁰. Ответа от Блюментроста не последовало. Да и что он мог ответить? Что все уже решено? Так об этом он писал Вольфу еще в мае 1723 года, сообщив, что «с нашей стороны мы уже сделали все, чтобы обеспечить ее (Академии наук и художеств. – И. Д.) цветущее состояние. Фонд на нее назначен, и притом, надежный и весьма солидный, так что Академия из него сама будет назначать жалованье и ни от кого не будет зависеть, кроме самого императора»¹³¹. Блюментрост даже коснулся финансовых деталей (жалованье академику – 700–800 рублей, студенту – 200). И про обязанности академиков не забыл: разработка своей науки и чтение публичных лекций. Итак, все уже решено и заводить разговор, что «учинять» сначала, а что потом, бессмысленно. Возможно, Вольф был несколько уязвлен тем, что Петр и Блюментрост не послушали советов ни Лейбница, ни его и решили идти своим путем. Но как бы то ни было, немецкий профессор действительно помог организации Академии в России, порекомендовав несколько вполне достойных кандидатов. К примеру, в качестве математика он предложил кандидатуру швейцарца Якоба Германа (Jakob Hermann; 1678–1733), талантливого математика, ученика Я. Бернулли (Jakob Bernoulli, 1655–1705), к тому времени члена Берлинской (1701) и Болонской (1708) академий, прославившегося изданным в 1716 году трактатом «Форонмия, или о силах и движениях тел твердых и жидких»¹³², кото-

¹²⁹ Андреев А. Ю. Российские университеты... С. 211–212.

¹³⁰ Цит. по: Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской Академии наук... С. 67.

¹³¹ Цит. по: Там же. С. 54.

¹³² Hermann J. Phoronomia sive de viribus et motibus corporum solidorum et fluidorum. Liberiduo. Amstelædami, 1716. Форонмией Герман называл теоретическую механику.

рый Л. Эйлер (Leonhard Euler; 1707–1783) ставил в один ряд с «Математическими началами натуральной философии» И. Ньютона и «Новой механикой» П. Вариньона.

Вольф рекомендовал в новую Академию также своего ученика, экстраординарного профессора философии в Тюбингене Георга Бюльфингера (Georg Bernhard Bülfinger; 1693–1750), потому как у того «голова с огромными способностями» и к тому же он большой почитатель Петра I.

Следует отметить, что приглашать ученых в новую Академию было отнюдь не простым делом. Высококласные специалисты, хорошо устроившиеся на университетских кафедрах, охоты к перемене мест не испытывали, тем более когда речь шла о переезде в Россию. К примеру, Вольф рекомендовал Лоренца Гейстера (Lorenz Heister; 1683–1758), крупнейшего немецкого хирурга, профессора анатомии и хирургии, теоретической и практической медицины Гельмштадтского университета. Однако тот требовал все новых разъяснений и гарантий, поскольку хорошо оплачиваемую должность в Гельмштадте получил недавно, в 1719 году, а кроме того, имел большую частную практику и, естественно, не хотел ухудшать свое положение. Дипломата графа А. Г. Головкина претензии Гейстера раздражали, но Шумахер отнесся к опасениям немецкого анатома с полным пониманием. «Вы знаете, милостивый государь, – писал он 30 апреля 1724 года Блюментросту, – что на этот счет Гейстер прав: что щедрость и великодушие у нас не очень распространены. У нас все привыкли лечиться бесплатно. А заработок от частных занятий со студентами тоже ненадежен. Поэтому твердо можно рассчитывать только на жалованье»¹³³.

Другой пример: известный историк Г. Ф. Миллер (Gerhard Friedrich Müller; 1705–1783) вспоминал, что, когда он отправился в Петербург, у его отца «было такое чувство, словно он провожает меня в могилу. Так велико было тогда предубеждение против России»¹³⁴.

«Хотя контракты с зарубежными учеными подробно регламентировали условия их проживания в России (включая бесплатную квартиру, свечи, дрова), но основная проблема заключалась в том, что привыкшие к жизни в корпоративной среде немецких университетов их представители в Петербурге находили совершенно другие отношения к ним со стороны властей, совершенно другой статус ученых в обществе»¹³⁵.

Большие трудности возникли с выбором профессора химии. Уже в первом докладе Петру I Л. Блюментрост предусмотрел одно академическое место для химика. Вначале его занял Михаил Бюргер (Michael Bürger; ок. 1686–1726), давнишний приятель Блюментроста, выходец из Курляндии, окончивший в 1716 году Кенигсбергский университет со степенью доктора медицины, полученной за диссертацию *De lumbricis* («О глистах»). Бюргер был совершенно неподходящей кандидатурой, химию он толком не знал и не любил, но у Блюментроста выбора не было – химическая кафедра в Академии слишком уж долго оставалась вакантной, – и он утешил курляндца тем, что если тому заниматься сей наукой недосуг, то без этих занятий вполне можно будет обойтись. И Бюргер, несмотря на плохое здоровье и активные протесты жены и тещи, принял предложение Блюментроста, заявив, что его не пугает смерть в Петербурге, да и вообще – *ubi bene, ibi patria*. Однако не прошло и полугода с момента его прибытия в град Петров, как, возвращаясь мертвецки пьяным с именин Блюментроста, Бюргер вывалился из коляски и разбился насмерть (как деликатно выразилась Ю. Х. Копелевич, «внезапно умер»¹³⁶). Таким было начало академической химии в России. Поэтому историки, чтобы картина не выглядела слишком удручающей, первым академиком-химиком считают Иоганна

¹³³ Цит. по: Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской Академии наук... С. 71.

¹³⁴ Müller G. F. Nachrichten zur Geschichte der Akademie der Wissenschaften // Материалы для истории Императорской Академии наук: В 10 т. Т. 6. СПб., 1890. С. 14–123. См. С. 64.

¹³⁵ Андреев А. Ю. Российские университеты... С. 217.

¹³⁶ Копелевич Ю. Х. Удалось ли Петру I «построить водяную мельницу, не подведя к ней канала»? // Науковедение. 1999. № 4. С. 144–155. См. с. 146.

Георга Гмелина (1709–1755), человека действительно достойного, талантливого и разностороннего ученого, но... И. Г. Гмелин, зачисленный академиком по химии в 1730 году и отправившийся в 1733 году в Камчатскую экспедицию, был более ботаником, чем химиком.

Вернемся, однако, к событиям начала 1724 года. В ходе работы по созданию Академии к Петру поступали различные записки с предложениями, как лучше «учинить» просвещение в России. Далее я кратко остановлюсь только на двух из них, которые, возможно, принадлежат П. А. Курбатову, мелкому сенатскому чиновнику. В первой записке, касавшейся управления, места и сметы будущей Академии, в частности, сказано: «...Подобает следующие пункты примечать: I. Сумма, которая надобна к установлению и содержанию Академии, такая да будет, чтоб его императорского величества казне убытку не было б ниже бы государству какова отягощения принесла. Та сумма пребывает неколебимо при Академии, и сие да будет за фундамент высокой его императорского величества милости Академии, дабы никто не дерзал оную сумму под каким бы видом ни было, на иные вещи издержать. II. Место, иде же установлена будет Академия, было бы такое, чтоб был там здравый воздух и добрая вода и положение того места было бы удобно, чтоб от всех стран можно было надежно приходить, такожде и съестное бы было в довольстве». Кроме того, автор предлагал, чтобы Академия «прямо под его императорского величества властью, а не под какою бы коллегиею была»¹³⁷. Некоторые идеи этой записки нашли затем отражение в принятых Сенатом указах.

Во втором доношении императору приводился список дисциплин, которым целесообразно обучать в Академии студентов, «смотря по их натуральному наклонению»: арифметике, геометрии, астрономии, географии, навигации, механике, оптике, архитектуре «гражданской и воинской», «физике феоетике и экспериментальной, институции медической, анатомической и хирургической», химии, истории натуральной, «языкам, именно: латинскому, греческому, французскому и итальянскому, реторике и оратории, истории древней и нынешней», логике, метафизике, этике, политике и «юс публик натур и народов»¹³⁸.

В итоге в первые три недели января 1724 года Петром и его помощниками был подготовлен Проект Академии, который император слушал 22 января в Сенате с 8 часов до полудня и который получил название: «генеральный проект об Академии»¹³⁹ (далее сокр. ГП). По свидетельству И. Д. Шумахера, автором ГП был Блюментрост. Впрочем, возможно, и сам Шумахер также поучаствовал в его составлении. В Сенат ГП поступил с правкой императора, но в явно недоработанном виде. Тем не менее «экстракт» из ГП был в феврале 1724 года направлен русским посланникам в Париж, Берлин и Лейден, а также многим дипломатам и ученым.

Поскольку ГП уже неоднократно рассматривался в литературе¹⁴⁰, я здесь остановлюсь только на некоторых важных для дальнейшего темах и фрагментах.

Уже зачин ГП свидетельствует о том, что Петр и его помощники прекрасно понимали разницу между университетом (собранием «ученых людей, которые наукам высоким, яко феологии и юрис пруденции... медицины, филозофии, сиречь до какого состояния оные ныне дошли, младых людей обучают») и Академией (собранием «ученых и искусных людей, которые не токмо сии науки в своем роде, в том градусе, в котором оные ноне обретаются, знают, но и уже новые инвенты оные совершить и умножить тщатся, а об учении протчих никакого попечения не имеют»)¹⁴¹. Более того, автору (авторам) ГП прекрасно известно, что в дру-

¹³⁷ Цит. по: Андреев А. И. Основание Академии наук в Петербурге... С. 308–309.

¹³⁸ Андреев А. И. Основание Академии наук в Петербурге... С. 311.

¹³⁹ О других документах (заметках Петра I), датированных 13–22 января 1724 года и относящихся к учреждению Академии, см.: Там же. С. 306–307.

¹⁴⁰ См., например, работы: Андреев А. И. Основание Академии наук в Петербурге... С. 313–320; Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской Академии наук... С. 54–65.

¹⁴¹ Уставы Академии наук. М., 1975. С. 31.

гих государствах университеты и академии «никакого сообщения между собою не имеют»¹⁴². Однако в России ситуация совершенно иная, и это в ГП подчеркивается особо: «Невозможно, чтоб здесь следовать в протчих государствах принятому образу, но надлежит смотреть на состояние здешнего государства, как в розсуждении обучающихся, так и обучающихся (а в этом рассуждении «здешнее государство» представляло собой, по выражению Лейбница, *terra virginea*. – И. Д.), и такое здание учинить, чрез которое бы не токмо слава сего государства для размножения наук нынешним временем разпространялась, но и чрез обучение и розпложение оных польза в народе впредь была»¹⁴³. А потому – и это важный поворот темы! – в российских условиях нельзя ограничиться ни одной лишь Академией, ни только созданием университета, «ибо хотя чрез оную [Академию] художества и науки в своем состоянии производятся и разпространяются, однакоже оные не скоро в народе розплодятся, а при заведении университета – и меньше того: ибо когда розсудишь, что еще прямых школ, гимназиев и семинариев нет, в которых бы молодые люди началом обучиться и потом выше градусы наук восприять и угодными себя учинить могли, то невозможно, дабы при таком состоянии университет некоторую пользу учинить мог»¹⁴⁴.

Казалось бы, из сказанного следует, что в России целесообразно начать с создания «прямых школ», потом учредить университет, а затем Академию наук и художеств, т. е. идти эволюционным путем, что Петру и предлагали сделать Лейбниц, Вольф и другие европейские интеллектуалы, а также Феофан Прокопович, ибо, как позднее скажет поэт,

Где народ, сознаньем зрелый,
К просвещению готов,
Там прогресс не скороспелый,
А наследие веков¹⁴⁵.

В России же все было иначе, поэтому действовать надо было крайне осмотрительно и осторожно. Но Петр шел «по партитуре, напролом», он торопился, потому как «долгота жизни наша ненадежна»¹⁴⁶, а основания для спешки, как показало время, у него были, поскольку после его смерти известный откат действительно имел место¹⁴⁷.

Император решает (возможно, сам, возможно, по чьей-либо подсказке), вопреки зарубежному опыту и советам иностранных ученых, пойти особым путем: создать одно многоцелевое научно-образовательное учреждение, т. е. объединить в одной структуре научную академию, университет и гимназию. По словам А. Ю. Андреева, «создатели [Академии] полагали: именно потому, что в России до сих пор не существовало научных и учебных заведений по

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же. С. 32.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Дмитриев М. А. Стихотворения: В 2 ч. Ч. I. М., 1865. С. 132–133.

¹⁴⁶ Это выражение Петра приводит В. Н. Татищев, вспоминая о своем разговоре с императором в 1724 году: «В 1724 году, как я отправлялся во Швецию, случилось мне быть у его величества в летнем доме; тогда лейбмедик Блюментрост, яко президент Академии наук, говорит мне, чтоб в Швеции искать ученых людей и призывать во учреждающуюся академию в профессора. На что я, рассмеялся, ему сказав: „Ты хочешь сделать архимедову машину, очень сильную, да подымать нечего и где поставить места нет“. Его величество изволил спросить, что я сказал, и я донес, что ищет учителей, а учить некого, ибо без нижних школ академия она с великим расходом будет бесполезна. На сие его величество изволил сказать: „Я имею жать скирды великие, токмо мельницы нет, да и построить водяную и воды довольно в близости нет, а есть воды довольно во отдалении, токмо канал делать мне уже не успеть для того, что долгота жизни наша ненадежна; и для того зачал перво мельницу строить, а канал велел токмо зачать, которое наследников моих лучше понудит к построенной мельнице воду привести“» (Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1887. Кн. I. С. 1–171. См. с. 110 [работа написана в 1733 году, впервые опубликована в Петербурге в 1787 году]).

¹⁴⁷ Нефедов С. А. Петр I: блеск и нищета модернизации... С. 68–70.

европейским образцам, в ней и необходимо сделать нечто превышающее, соединяющее вместе эти образцы... Текст указа Петра I ясно говорит о том, что 28 января 1724 года было основано только одно высшее ученое учреждение России – Академия наук (а не Академия наук и Академический университет, как иногда пишут историки). Однако этой Академии, в отличие от европейских прообразов, были также приданы и образовательные функции. Ее образовательная часть и получила по „генеральному проекту“ название „университет“, хотя никакого самостоятельного устройства, отличного от Академии, не имела. Отождествляя Академию наук и университет, создатели проекта думали о том, „каким образом одним зданием обоим намерения исполнить можно и не надобно особливые собрания сочинять“ (Уставы Академии наук СССР. С. 36)»¹⁴⁸

¹⁴⁸ Андреев А. Ю. Российские университеты... С. 206–207. Я не касаюсь здесь вопросов о соотношении петровского Академического университета и существующего с 1819 года Императорского Санкт-Петербургского университета и о том, можно ли считать 28 января 1724 года днем рождения последнего, поскольку вопросы эти чрезмерно увязаны с обстоятельствами, имеющими к науке весьма косвенное отношение (начало полемике было положено монографией: Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу. Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII – начале XIX в. Л., 1988; критический анализ позиций авторов указанной монографии см.: Андреев А. Ю. О начале университетского образования в Санкт-Петербурге // Отечественная история. 1998. № 5. С. 62–73; Он же. Российские университеты... С. 202–232; Левишин Б. В. Академический университет в Санкт-Петербурге: Историческая справка // Отечественная история. 1998. № 5. С. 73–79; Кулакова И. П. Спор о первородстве: 275 лет Санкт-Петербургскому университету? // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 3. С. 57–92). Замечу только, что в проекте «Первоначальное образование С. Петербургского университета», утвержденном Александром I (8 февраля 1819 года), сказано: «Главный Педагогический Институт приемлет отныне название Санкт-Петербургского Университета» (Полное собрание законов Российской Империи... Т. 36. С. 63–66; С. 63). И еще одно пояснение: Учительская семинария, переименованная в 1803 году в Учительскую гимназию, в 1804 году получила наименование Педагогического института, который 23 декабря 1816 года получил название Главного педагогического института, на основе которого и был организован Санкт-Петербургский университет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.